

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ОТДЕЛ 15-К

ОТЗВУКИ ВРЕМЕН

Отдел 15-К

Андрей Васильев

Отдел 15-К. Отзвуки времен

«Автор»

2021

Васильев А. А.

Отдел 15-К. Отзвуки времен / А. А. Васильев — «Автор»,
2021 — (Отдел 15-К)

Чаще всего люди видят только то, что хотят видеть. Такова уж человеческая природа. Ну, а если что им не нужно, то того вроде как и вовсе нет. Да и все бы оно ничего, да вот только зло никогда ни у кого не спрашивает разрешения на то, чтобы быть. Не в его это привычках. Ну, а коли за этим злом ещё и история давняя тянется через века, то уж точно ничего хорошего ждать не стоит. Даже в том случае, если на его пути встанут сотрудники отдела «15-К».

© Васильев А. А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	30
Глава пятая	38
Глава шестая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Отдел 15-К

Отзвуки времен

Все персонажи и события данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, учреждениями, местами, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями – не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

Сделка

– Да не придет он, – прошептала Мезенцева. – Зря ждем.

Николай никак не отреагировал на реплику коллеги. Более того, у стороннего наблюдателя могло создаться впечатление, что он ее вообще не слышал. И этот самый мифический наблюдатель оказался бы почти прав. «Почти» потому, что Нифонтов с какого-то времени практически перестал обращать внимание на то, что Евгения говорит и делает. Вне принципиальных рабочих моментов, разумеется. Вот пробежала в какой-то момент некая безымянная мышка, вильнула хвостиком и разбила ко всем чертям те хрупкие основы мира и согласия, что существовали между этой парочкой. Нет, они и дальше работали бок о бок, при необходимости один другого всегда прикрыл бы и перед начальством, и от пули, но этого, согласитесь, маловато для людей, которые проводят в обществе друг друга дни, а иногда и ночи. Отдел 15-К не офис, в котором есть фиксированное рабочее время, тут люди не просто трудятся, здесь они живут и умирают. Так было до Мезенцевой и Нифонтова, так продолжится и после того, как их не станет.

Почему так случилось, отчего, никто не знал. Да и они сами толком не объяснили бы, в чем тут дело, задай им кто-то прямой вопрос из серии «А теперь, ребята, выкладывайте». Замялись бы они в этом случае, начали взгляд отводить в сторону и думать о том, что же такое вопрошающему ответить.

А сказать-то нечего. Ссор с топаньем ногами и дракой не случалось, ругани тоже вроде не было, непреодолимые разногласия отсутствовали. Ерунда, короче, какая-то выходит.

Да и сама парочка оперативников не до конца понимала, с чего оно так получилось. Николай полагал, что все дело тут в накопительном эффекте. Потихоньку-помаленьку достала его Мезенцева до печени своим периодическим раздолбайством, упрямством, с которым она всегда отстаивала собственную точку зрения даже в тех случаях, если все в один голос говорили обратное, и время от времени не к месту и времени проявляемым чистоплюйством. Вот не одобряла она некоторые методы, которыми пользовались сотрудники отдела в своей работе. Не по нраву они ей были.

Что до Евгении, там все обстояло проще. Ей было все равно. То ли на самом деле ее не трогал нравственный холодок, который возник в отношениях с Нифонтовым, то ли она умело скрывала настоящие эмоции, но внешне все выглядело именно так.

Само собой, в отделе все давно заметили трещинку, возникшую в отношениях Женьки и Николая, но никто в это дело не лез. Да и зачем? Эти двое люди взрослые, сами между собой разберутся. На работе их неприязнь никак не сказывается, а остальное – личная сфера, та, что у каждого своя.

Да и нового ничего в случившемся не имелось. И до этой парочки случались размолвки между сотрудниками отдела, причем куда хлеще. На самой заре девятнадцатого века дело вовсе до дуэли дошло. И ничего, обошлось. Соперники друг в друга по пуле всадили, после вместе выздоравливали, а затем еще десять лет бок о бок службу несли. И погибли в один день, прикрывая спины друг друга от французских клинков в жаркой схватке близ Шевардинского редута.

Так что общее мнение сослуживцев выразила Тицина, произнеся расхожее: «Перемерется – мука будет». Правда, тетя Паша следом добавила: «Если раньше один другого не погубит». Но сказано это было тихо, и услышал эти слова один лишь Аникушка.

Впрочем, еще на этот счет высказалась Виктория, чем немало удивила сослуживцев. Просто ее голос в общем хоре уже два года как был почти не слышен. Да и сама она почти не покидала свой кабинет.

Так вот, Вика произнесла фразу, после которой Женька на нее даже смотреть не желала. Она сказала:

– А я Колю понимаю. И не я одна, похоже. Не просто же так Мезенцевой до сих пор нож не выдали? Почти два года прошло, как она здесь, а все в дежурке сидит.

Что до начальника отдела, он, разумеется, тоже заметил трещину в отношениях Нифонтова и Мезенцевой и, видимо, поэтому все чаще стал их ставить на совместные операции. То ли в надежде, что раньше или позже нарыв вскрыется и они друг друга поубивают, то ли, наоборот, надеялся, что общее дело их таки сплотит.

Но скорее, все же по второй причине, конечно.

Одним из них стало сегодняшнее мероприятие, инициированное благодаря оперативной информации, полученной Пал Палычем от одного его знакомого, близкого к ночной жизни Москвы. Не той, что происходит в клубах и иных увеселительных заведениях, а той, в которую обычным людям лучше вообще нос не совать, дабы без него и не остаться. И без головы за компанию. Или, того хуже, без души и хоть сколько-то приемлемого посмертия.

Но, увы, не все это понимают. К числу таких людей относился, например, источник Михеева, тот самый, что принес ему весточку о сомнительной операции купли-продажи, которая нынче вечером совершится на одном из подмосковных мусорных полигонов. Да и те, кто выступили сторонами этой самой операции, не слишком понимали, что делают.

А сделка эта была даже не сомнительной, а незаконной. Наш мир таков, что всегда кто-то что-то продает, а кто-то что-то покупает, и обитатели Ночи не исключение. Вопрос – что именно выступает товаром. Одно дело, когда предметом сделки выступает, например, зелье, укрепляющее мужскую силу, и совсем другое, когда это снадобье, при помощи которого можно подчинить себе волю другого человека.

Но и это еще ничего. Есть товары, которые таковыми вообще назвать никак нельзя, ибо их происхождение подразумевает нечто запредельное, что ни с какой точки зрения оправдать нельзя. Именно о таком предмете купли-продажи и рассказал при личной встрече Михееву один из его источников. Нет, предельной ясности у источника информации не было, но фраза «редкий товар», им изреченная, сказала Пал Палычу о многом. Этот товарищ знал толк в ассортименте черного рынка Москвы, потому спутать ничего не мог.

И вот результат – два оперативника, которые не слишком жалуют друг друга, кукуют на свалке, ежась от прохлады, которая свойственна для раннесентябрьских ночей, морщатся от вони, которую то и дело притаскивает к ним легкий западный ветерок от соседней кучи продуктовых отходов, да тарашатся в непроглядный мрак, гадая, состоится сомнительная сделка или же им и завтра сюда придется приезжать?

– Не придут, – повторила Женька. – Или вообще этот стукач наврал. Хотел таким образом свою ценность подчеркнуть, чтобы Палыч его не «закрыл» на фиг. Я так понимаю, там есть за что.

– Если бы было за что, Паша бы его «закрыл», – нехотя ответил ей Николай. – Он на тормозах серьезные вещи не спускает, не тот человек. Потому сидим и ждем.

– Чего тогда Палыч сам сюда не поехал? – проворчала Женька. – Его информатор, его тема... Вот и двигал бы ее до упора.

Нифонтов никак на эту реплику не отреагировал. А смысл? Если она всерьез говорит, то стоит ли о чем-то спорить с человеком, который за два года так и не разобрался в том, как и по каким принципам работает отдел. Если нет, то это провокация, имеющая под собой одну цель – дальнейший спор с руганью. Ну, чтобы не скучно было ждать. Опять же, хороший скандал греет если не тело, то хотя бы душу. Вот только ругаться Николай и раньше особо не любил, а в последнее время вообще взял себе за привычку никогда, никому и никак внешне не демонстрировать то душевное состояние, в котором находится. Обобщенно-дружелюбный тон, негромкая речь, улыбка – вот то, что может ему помочь в работе. Ну а крики, экспрессивные жесты, зубовой скрежет, неконтролируемый всплеск эмоций – это все лишнее, это вредит делу. И прямо подтверждение того, что он идет верным путем, находилось у него перед глазами.

И ему было приятно, когда недавно тетя Паша сказала Тициной:

– Вальк, заметила, что Кольша наш второй Ровнин стал? Далеко пойдет парень. Если, конечно, не зазнается.

Да, тон уборщицы был скорее ироничный, чем хвалебный, но Нифонтова это не задело за живое. Ну, почти.

И потом, он не подражал Олегу Георгиевичу, не копировал его. Он просто старался перенять у него то лучшее, что можно, что может пригодиться в работе. А у кого, собственно, ему учиться, как не у Ровнина? Сотни успешно проведенных операций, уважение как коллег, так и тех, кто находится по другую сторону баррикад, переговорщик от Бога. Опять же, Олег Георгиевич – один из самых молодых начальников отдела за всю его историю. В смысле, он возглавил его в достаточно юном по служебным меркам возрасте. И до сих пор жив, что достойно отдельного уважения.

А знаменитая операция по уничтожению безмерно обнаглевших вурдалаков, прошедшая в начале этого века? Ровнин ее спланировал от и до, а после виртуозно осуществил, причем случилось это еще до того, как он стал начальником отдела. И с той самой поры Москва стала одним из самых безопасных городов в мире в разрезе возможных проблем с вурдалаками. Боятся кровососы сюда нос совать без особой нужды, помнят, как пепел их сородичей утренний ветер по улицам облачками носил.

Так что – нет. Не сотворил себе Николай кумира. Он нашел наставника, от которого собирался взять все, что мог, пока есть такая возможность. И – да. Он не откажется пойти далеко, права тетя Паша. А именно он будет рад, если когда-нибудь ему удастся занять тот кабинет на втором этаже, в котором сейчас пахнет дорогим трубочным табаком, а на стене висит карта Москвы с воткнутыми в нее разноцветными булавками.

Хотя, разумеется, чем позже это случится, тем лучше. Дело же не в том, кто сидит в кресле начальника – он или Ровнин. Дело совсем в другом. И если начальником, случись чего, станет не он, а Михеев, то это будет честно. Ему до Паши пока далеко.

– А еще... – бубнила Женька, похлопывая себя ладонями по плечам. – Ой, смотри!

– Да замолчишь ты или нет? – не выдержал Нифонтов, приметивший блики света, мелькнувшие недалеко от них, на пару секунд раньше напарницы. – В самом-то деле!

Фонарик. Кто-то идет, тщательно подсвечивая себе путь, что и неудивительно. Свалка – это тебе не шоссе, по которому можно, кушая сушки, хоть днем идти, хоть ночью. Здесь свернуть шею ничего не стоит.

Да и вообще смелая у них, сотрудников отдела, клиентура стала, поскольку мало кто в таком стремном месте встречу друг другу назначить отважится. Свалка – это не только вонь,

насекомые, зараза всех видов и прочие неприятные моменты. Тут ведь и социум имеется. Да и как ему не быть, если многокилометровые территории с огромными мусорными кучами – это город в городе. А то и государство в государстве.

Местные обитатели в основной массе своей социально пали так давно и так низко, что их мало интересует как действующее законодательство, так и некоторые моральные аспекты, исконно свойственные человеческой натуре. Проще говоря, тут, на свалке, у случайного посетителя есть риск быть не только избитым или ограбленным. Его, например, после всего перечисленного запросто и сожрать могут. В прямом смысле. В буквальном. Это если он мужчина. Про женскую суровую долю вообще лучше не упоминать.

Нет, днем есть хороший шанс выбраться из этих гиблых мест без особого вреда для себя. Тут гудит тяжелая техника, ворочая груды мусора, снуют туда-сюда грузовики, бродят местные трудяги, многогласно общаясь на пяти-семи разных языках, представители власти, случается, заглядывают. Но то днем. А вот ночью... Какая-то часть свалки, в основном та, что у ограды, продолжает жить в правовом поле и в это время, но основные земли превращаются в территорию, живущую по своим законам. И чужакам тут не место.

В прошлом году Николай уже побывал на одном таком полигоне, они с Пал Палычем тогда гонялись за пронырливым крадуном Лешкой Лесиним, который днем ранее обнес дом умершего коллекционера, собиравшего в том числе и предметы, которые, скажем так, обычными не назовешь. Ну, обокрал и обокрал, дело житейское, только вот Лешка умыкнул из дома собирателя такие артефакты, которые ни при каких условиях на черном рынке столицы не должны были всплыть. Особенно это относилось к ритуальному кинжалу восьмого века, который в свое время от души попил крови кривичей, жутковато выглядящему амулету, который когда-то таскал на своей шее хазарский хан Куря, и к наследию Генриха фон Швальве, германского чернокнижника, состоящему из черной книги с переплетом из людской кожи, перстня-печатки и черепа вышеназванного господина. Кстати, на редкость лютый был товарищ. Он даже в лихие времена Средневековья среди своих коллег прославился редкостной жестокостью и беспринципностью. А уж тогда времена точно не чета нынешним были.

Гонялись оперативники за Лехой, гонялись и почти догнали. Но именно что «почти». Обитатели свалки сцапали его первыми. Неделя та у этих товарищей выдалась голодная, а обычно расчетливый Лешка повел себя очень и очень глупо. Точнее, слишком дерзко. Недооценил он тот факт, что отсутствие прописки и жизненных перспектив не убивает в людях элементарное самоуважение, а наличие огнестрельного оружия не является гарантией безопасности.

Оперативники встретились с ним уже тогда, когда шустрый вор практически превратился в кучку субпродуктов. Нет, какие-то фрагменты тела валялись в сторонке, какие-то, шипя, жарились над костерком, но в целом как биологический объект весельчак и ухарь Лесин, известный среди знающих людей как Леха-Хват, существовать перестал.

Появление оперативников совершенно не смутило небольшую, с десяток человек, группу обитателей свалки, развалившуюся вокруг костра и пребывавшую в ожидании готовности второй порции экзотического блюда. Первую в это время они как раз переваривали.

Если честно, Николая при виде всей этой картины изрядно замутило. Вроде бы чего он только за последние годы не насмотрелся, а все равно крутануло у него желудок, подкатил к горлу ком, застучало в висках. Ну да, все это уже случалось в его жизни: требуха людская, кровью пахнет, кости валяются. Но только тогда все по-другому обстояло. Не люди за этими смертями стояли, а те, кто живет в Ночи. А тут-то вон собратья по биологическому виду животы почесывают. И им вроде как хорошо, сожравши ближнего своего.

А самое интересное в том, что обычную нежить как раз на свалках особо и не встретишь. Да и чего ей там делать? Ей рядом с людьми удобнее существовать, и исторически, и из соображений сугубо прагматических. Разве что только кто из подданных королевы канализаций

Джумы забредет в сии палестины, отыскав путь сюда через какой-то старый и заброшенный коллектор. Да и то почти всегда случайно. Гули хоть и питаются невесть чем, но не настолько же?

Впрочем, закончилось тогда все достаточно неплохо. А если поглядеть в разрезе невесть судьбины Лехи-Хвата, так и вовсе замечательно. Оперативники умудрились не только смыться со свалки живыми и здоровыми, но и еще унести с собой искомые предметы, их удалось у местных обитателей выкупить за символическую сумму.

Единственное, черепа чернокнижника среди них не оказалось. То ли Лесин успел его кому-то продать, то ли закатился куда – поди пойми. Вещи лежали в рюкзаке, и пока одни обитатели свалки потрошили Леху, другие занимались его скарбом, попросту вытряхнув его на землю. Николай, когда Михеев договорился со старшаком свалочников, все вокруг того места, куда свалили артефакты, обшарил, но нет, череп как в воду канул.

Собственно, именно потому Николай был против участия Женьки в этой операции, и личная неприязнь тут ни при чем. Нечего девушке в таких погибельных местах делать. Особенно девушке. Но Ровнин Мезенцеву ему буквально навязал, аргументируя это тем, что других сотрудников у него для Нифонтова сейчас нет, а без напарника в таких делах никак не обойтись.

Одно хорошо – эта свалка оказалась той не чета, то ли потому что была помоложе и еще не обзавелась большими территориями, то ли потому что хозяева ее присматривали за тем, чтобы особого бардака тут не творилось. Хотя все равно, конечно, хрен редьки не слаще. Ну, насколько данное выражение, конечно, может подходить к столь невесть месту.

Но вот все остальное происходило ожидаемо плохо. Мезенцева сначала жаловалась на то, что вокруг плохо пахнет, потом начала сомневаться относительно того, что они заняли именно ту позицию, которую нужно, а под конец затынула песню «никто не придет», прерванную светом фонарика, появившимся неподалеку от кучи.

– Идет кто-то, – прошипела девушка, ткнув Николая в бок. – Зырь!

– Ти-хо! – не прошептал, а буквально прорычал оперативник, борясь с желанием придумать эту болтуню прямо тут, а после списать ее смерть на оперативные потери.

Вскоре на небольшой площадке, находящейся между тремя высокими кучами мусора, появился человек, тот самый, который подсвечивал себе дорогу. Он остановился на середине пустого пространства, пнул ногой банку, негромко выругался, поскреб ботинком землю и обвел лучом света горы мусора вокруг себя.

Николай еле успел сам прильнуть щекой к противно-влажнй картонке, на которой лежал все это время, и голову Мезенцевой вниз пригнуть. Причем девушка ощутимо передернулась, как видно ее лицо угодило во что-то сильно неаппетитное. И нельзя сказать, что сей факт прямо уж опечалил оперативника.

– Эй! – подал голос человек внизу. – Э-эй! Георгий, вы здесь? Мы договаривались о встрече.

Судя по голосу, пришедший пребывал в достаточно растрепанных чувствах. Ну, оно и понятно, подобный антураж любого нормального человека смутит. Темно, страшно, вонюче, тени какие-то то и дело шмыгают вокруг. И поди еще пойми, крысы это или кто похуже?

Но, как видно, хорошие деньги ему посулили, если он сюда пришел. Сильно хорошие.

– Черт, – подал голос человек снизу. – Может, местом ошибся? Может, не тут меня ждут, а левее? Там вроде тоже кучи будь здоров какие высокие. Нет, ну что за народ пошел, а? То на автобусной остановке в Бутово их ждешь, то в порту, то вот вообще на свалке. А завтра куда мне придется переться? В канализацию?

Судя по звукам, он достал телефон и нацелился было набрать номер контрагента, но только сделать этого не успел.

– Константин Петрович? – Оперативники услышали другой мужской голос, а секундой позже с великой осторожностью подняли голову для того, чтобы увидеть, как с мусорной горы, находящейся напротив них, спускается невысокая фигурка, освещающая себе путь фонарем, причем куда более мощным, нежели у человека, стоящего внизу. Надо полагать, это и был запропавший покупатель по имени Георгий. – Да? Извините, опоздал.

– Если бы мы были в ресторане, извинил бы непременно, – буркнул продавец. – Там тепло, светло и пахнет приятно. А здесь... По-хорошему, к цене надо процентов десять накинуть, а то и двадцать, за перенесенный дискомфорт. Да и жутковато здесь, чего скрывать.

– Зато точно проблем не возникнет, – заметил Георгий, подходя к своему собеседнику. – Вот же, вляпался во что-то.

– Даже не гадайте, во что именно, – посоветовал ему продавец. – И вообще после нашей встречи, похоже, придется мне всю одежду в помойку отправить. Иначе будет казаться, что квартира воняет, как эта свалка. А одеваюсь я, между прочим, в хороших магазинах. Недешевых.

– Посыл понятен, – примирительно сказал Георгий. – Хорошо, я добавлю к оговоренной цене еще две тысячи.

– Пять, – поправил его Константин Петрович. – Сказано ведь, в хороших магазинах. То есть тех, где все дорого.

– Хотелось бы взглянуть на товар, – кивнув, продолжил покупатель. – Без обид, но предмет нашей сделки достаточно уникален и недешев для того, чтобы... Ну, вы поняли.

– Да пожалуйста, – не стал чиниться продавец. – Как говорил один литературный персонаж, свой глазок – смотрок. Вот, извольте.

Он открыл сумку, которая висела у него на плече, и начал извлекать из нее небольшого размера банки, причем каждая из них имела причудливую форму и плотно пригнанную крышку, закрытую на защелки. Всего в лучах фонарика сверкнуло три сосуда, один из которых переключал в руки покупателя, а два остались у продавца.

– Интересно, что там? – горячее дыхание Женьки щекотнуло ухо Николая. – А?

Но тот только мотнул головой, не особо заботясь о том, что затылком может попасть девушке по губам. Не то чтобы ему не было интересно, просто теперь он боялся пропустить хоть одно слово из разговора. И еще момент, когда ему придется вмешаться в происходящее.

– Однако, – удовлетворенно причмокнул губами покупатель, направив свет своего фонаря на белую полупрозрачную массу, находящуюся в банке. Причем та под лучами электрического света просто-таки искрилась. – А точно ребенок некрещеный? Вы ручаетесь?

– Ну, разумеется, – возмутился продавец. – Я нацелен на длительное сотрудничество. Плюс мне дорога деловая репутация.

– Вот же тварь! – пробормотала Мезенцева, понявшая, что к чему, а после сжала зубы так, что те аж заскрипели. – Ненавижу!

И в этот раз Нифонтов полностью был с ней согласен. Только разве что слово у него в голове промелькнуло куда более резкое, чем то, которое употребила Женька.

А еще он подумал, что не соврал источник Пал Палыча, товар и впрямь редкий, такой, которым мало кто промышляет. Ранее он слышал лишь о двух торговцах подобными штуками, и оба они до отдела не доехали. Первый скончался прямо на месте сделки, его выпотрошил покупатель, на деле оказавшийся ведьмаком, племянница которого незадолго до этого пропала при невыясненных обстоятельствах. Не совсем пропала, правда, в скором времени она была найдена в недалеком от своего дома лесочке в полуразобранном состоянии. Ведьмак сообразил, что к чему, ткнулся туда, ткнулся сюда, с трудом, но нашел ниточки, вышел на торговца, а после долго и с чувством его убивал. Мало того, после поехал сдаваться в отдел. Они, ведьмаки, вообще странные ребята, их поступки предсказать почти невозможно. Да и разницу между добром и злом они понимают очень по-своему, не так, как все остальные.

В этом случае, правда, мнения совпали, потому отпустил Ровнин народного мстителя из здания с миром, перед тем крепко пожурился за то, что он толком убиенного прежде не расспросил о покупателях его товара.

Второго через несколько месяцев взяли на месте сделки с поличным, и все бы ничего, но того в машине потянуло на откровения, начал он Герману, тогда еще живому, рассказывать о тонкостях своего мастерства. С деталями ему расписывал, как он детишек присматривает, как после крадет, играет с ними перед тем, как...

Дальше Герман слушать не стал и свернул гаду шею. Нетерпим он был в подобных моментах до крайности, даже в убыток делу. Ох и орал на него тогда Ровнин за эту вспышку эмоций! И за то, что источник информации теперь в хладном виде на полу микроавтобуса лежит, и за то, что переиграл душегуб оперативника. Злодей прекрасно понял, что живым ему из отдела по-любому не выйти, потому стремился умереть быстро и по возможности безболезненно. Что хотел, то получил.

Так вот, в обоих случаях фигурировали такие же необычной формы банки с плотно подогнанными крышками. То есть это было производство. Самое что ни на есть настоящее. А те, кто умер, являлись не изготовителями разнообразных зелий, сделанных из детей, а лишь продавцами. Ну, или подручными изготовителя, как вариант.

Само собой, отдельные после того поганца, что столь паскудным бизнесом занялся, искали тщательно, со всем усердием и прилежанием. Трясли всех, кого можно, тем более что кое-кто из жителей Ночи подобное ремесло тоже на нюх не переносил. Убивать – убей, но так-то зачем? Тем более детей безгрешных эдакой смерти предавать. Не по Покону сие!

Но все впустую. Нет, место, где злодеяния совершались, оперативники при помощи все того же ведьмака обнаружили, но толку в этом никакого не было. Забросил неведомый злодей свою лабораторию за месяц или даже два до того, как на нее отдельные вышли. Прибрал все за собой, как в насмешку, оставил на столе три леденца чупа-чупс и сгинул в никуда, словно его не было никогда.

И на теновом московском рынке больше его продукция не всплывала. Долго не всплывала. До сегодняшней ночи.

Николай в тех давних событиях участия не принимал, он только-только тогда пришел в отдел, потому большей частью сидел в дежурке и изучал старые дела. Но знать все знал, потому прекрасно понял, что происходит и как надо действовать.

– Жень, запомни, продавец нужен живым, – прошептал он девушке, доставая из кобуры пистолет и снимая его с предохранителя. Обычно он его с собой не носил, но в столь экзотичное место без оружия может пойти только круглый идиот. – Только живым. Если что – бей по ногам.

– А покупатель?

– Да пофиг на покупателя. Хотя тоже схомутать надо, не для веселых забав он такой товар берет. Но в приоритете – продавец. Надо умереть, но доставить его в отдел, ясно?

Кабы знать, что так все сложится! Тогда сейчас человек десять по периметру расставлено было бы, не меньше. Ровнин без проблем сюда из соседнего отделения подтянул бы «пепсов» или даже оперативников. С его-то связями...

Но и они шли брать простых торговцев нелегальным товаром, вроде ильян-травы, что забирает похлеще любых наркотиков, или заговоренных на беду ведьминских игл. А тут – вон чего. Получите и распишитесь.

– Держишь покупателя, – повторил Николай напарнице. – Что бы ни случилось, он на тебе. Берешь его, руки – в железо, тащишь к машине, везешь в отдел. Я контролирую ситуацию и прикрываю отход. Сомневаюсь, что он тут один. И даже если я в машину не сяду, все равно уезжаешь.

– Ты о чем...

– О том, – перебил ее Нифонтов. – Выполняйте приказ вышестоящего по званию, младший лейтенант.

– Есть, – буркнула Мезенцева. – О, деньги передает!

– Фоткай – и начинаем. – Николай глубоко вдохнул воздух и чуть не закашлялся. Надо же, чтобы именно в этот момент ветерок принес очередную порцию смрада от гниющей кучи пищевых отходов.

Сейчас он отчетливо осознал, насколько неудачная позиция выбрана для засады. Нет, для той, что планировалась изначально, вполне пристойная – куча, ближайшая ко входу на площадку, хорошо все просматривается и так далее. Вот только добыча пришла не та, что планировалась. Будь там, внизу, обычный торговец – и все, нет проблем. Это публика хоть и норовистая, но достаточно трусливая и не желающая идти на конфликт. После появления оперативников они могли поначалу дернуться, попробовать смыться в темноту, но пара выстрелов в воздух их гарантированно заставила бы оставить мысли на данный счет. А смысл? Все, уже спалились, засветились, теперь либо в бега из Первопрестольной уходить, либо пытаться решить нарисовавшуюся проблему. Ясно же, что не обычные полицейские их накрыли. Тем более что варианты для диалога с отделом всегда найдись могут, особенно если грехи не так велики, а товар не совсем уж палевный. Информация, поставляемая время от времени на почти добровольной основе, десяток-другой поручений, от которых нельзя отказаться, то-се...

Ну а если торговец не совсем человек или вообще не человек, то вовсе все просто. За его бегство ответят старшие – главы семей, коленов, кланов. И это хуже, чем общение с представителями отдела. Много хуже. И страшнее.

Но там, внизу, не обычный торговец, и он знает, что здесь переговорами ничего не решить. Его дело труба, без вариантов. Значит, он сделает все, чтобы улизнуть, и свалка, на которую он так ругался, здесь ему только в помощь. На ней армию какого-нибудь карликового государства, вроде Лихтенштейна, спрятать можно, что уж об одном человеке говорить?

– Так я могу рассчитывать на новые поставки товара? – уточнил у продавца покупатель, убирая банки в рюкзак, снятый с плеч. – И еще хорошо бы увидеть список ассортимента. Догадываюсь, он у вас уже представленным товаром не ограничивается?

– Разумеется, – с милой улыбкой ответил ему собеседник. – И рассчитывать можете, и...

– Стоим на месте, руки поднимаем вверх! – гаркнул Николай, направив луч фонаря на беседующую парочку и начав спешно спускаться вниз. – Московская полиция, отдел 15-К! И не дергайтесь, стреляю сразу!

Покупатель застыл, как статуя, не ожидал он ничего подобного и сейчас пытался сообразить, что же вообще происходит. Причем, как оказалось, он был довольно молод и тщедушен, сейчас, в свете ярких лучей, это было хорошо заметно.

А вот его партнер по сделке к рефлексии и раздумьям оказался не склонен, потому, как и предполагал Николай, тут же попытался улизнуть, на ходу перекинув ремень сумки с деньгами через шею. Что примечательно, несмотря на внешнюю полноту, двигался он на редкость шустро, можно даже сказать – тренированно-плавно.

Нифонтов понял, что времени на раздумья и окрики у него нет, секунда-другая, и исчезнет эта сволочь во мраке ночи.

Выстрел – и торговец с воплем падает на груды картона, марая его кровью, брызнувшей из продырявленной в районе ляжки ноги.

– Надо будет рану перетянуть ремнем, чтобы он кровью не истек, – на ходу бросил Николай Женьке. – Давай в наручники его – и пошли к машине. Блин, мужик, вот чего дернулся, а? И тебе теперь больно, и мы салон весь угваздаем.

Торговец ничего оперативнику не ответил, он только подвывал, держась за ногу.

– А ты чего застыл? – недовольно спросил Нифонтов у покупателя и звякнул наручниками. – Давай клешни.

– Я-я-я, – протянул юноша так, будто у него язык во рту еле ворочался. – Ты-ы-ы... Ка-а-ак...

Николай глянул ему в лицо и моментально заорал:

– Женька! Уходи! Уходи и этого уводи! Сейчас же!

Глава вторая Идолы (начало)

– Олег, что ты на них орешь? – осведомилась тетя Паша у Ровнина. – А? Ребята в разрезе текущего понимания ситуации и имеющегося у них опыта сделали все верно. Выше головы не прыгнешь, ниже задницы не сядешь.

– Павла Никитична, лично меня за такие ошибки в свое время ты не защищала, а в пол без отвертки вкручивала, – повернулся к уборщице начальник отдела.

– С тебя спрос другой был, – резонно заметила старушка. – Поскольку дни на дворе куда более лихие стояли.

– Дни у нас всегда невеселые, – встала на сторону руководителя Виктория, расположившаяся рядом со склонившимся на стол и дремлющим Михеевым. – Да, Паша? Паш! Проснись.

– Я за! – встрепенулся тот. – Или против. Как нужно?

– Нужно не отпускать двух молодых оперативников на городские свалки, которые никогда местами для беспечных прогулок не считались, – уборщица решила сменить тактику и подойти к вопросу с другой стороны, причем это неожиданное адвокатство поразило провинившихся ребят куда больше, чем то, что на них обычно спокойный Ровнин собак спустил. – Без пригляда и контроля.

– Ой, тетя Паша, вот это вообще ни разу не аргумент! – отмахнулся Олег Георгиевич. – Молодых... Ну ладно Мезенцева, здесь худо-бедно можно согласиться. Но Нифонтов? Какой он молодой? В смысле, как сотрудник? Несколько лет в отделе, нож давно получил.

– Так я с себя ответственность не снимаю, – совсем уж насупился Николай. – Только еще раз повторю, что мог, то сделал.

И он не врал, все именно так и обстояло.

Тогда, на свалке, только услышав, как замедлилась речь Георгия, он сразу заподозрил недоброе и глянул на его лицо. И да, догадка оказалась верной. Как раз в этот самый момент зрачки в глазах юноши как бы исчезли в никуда, давая дорогу мутной белесости, такой, какую можно увидеть, например, у некоторых глубоководных рыб. Вот только рыбы те относительно безвредны, по крайней мере до той поры, пока не сунешь им палец в пасть, а люди с такими глазами, как хорошо было известно Николаю, непременно создают неприятности окружающим. Отчего? Да потому что они себе уже не принадлежат и их поступками управляет кто-то другой. Ну а для хороших целей подобные вещи никто никогда не проделывает, что тоже доказано, причем опытным путем.

– Кха-а-ар-рг-г... – выдал из себя Георгий совсем уж невнятное сочетание звуков, а следом за тем неожиданно резво прыгнул на оперативника, только-только велевшего напарнице бежать отсюда максимально быстро и уводить свидетеля. Резко так прыгнул, совершенно не по-людски, словно прямо какая-то обезьяна из диких джунглей.

Не то чтобы Нифонтов не успел среагировать на это неожиданное нападение, инстинкты сработали как надо, но равновесие он все же потерял, потому рухнул на грудь резко пахнущего картона вместе с вцепившимся в него злодеем. А уже в следующий миг в глазах его вспыхнули искры – это Георгий со всей дури саданул своим лбом оперативника в лицо, прорывав при этом нечто нечленораздельное. И что любопытно, голос его резко изменился, он стал более хриплым и грубым. Ну а следом за тем его левая рука вцепилась Николаю в горло, при этом сила в ней ощущалась невероятная, потому доступ воздуха для оперативника был перекрыт моментально и почти полностью.

А вот после как раз и случилось то, за что Ровнин распекал в своем кабинете провинившуюся парочку.

Георгий текучим и очень ловким движением достал из наплечной кобуры, обнаружившейся под его темной короткой курткой, блеснувшую воронением «беретту» и несколько раз выстрелил в спину своему несостоявшемуся контрагенту, спешно ковьялющему прочь. Еще бы десяток-другой секунд – и улизнул бы от смертушки этот негодяй, поддерживаемый Мезенцевой, скрылся бы от костлявой за ближайшей кучей непереработанного хлама, подвывая от боли и страха. Ну, по крайней мере, на какое-то время точно. Не факт, что надолго, разумеется, за торговлю столь неприглядным товаром хорошего ничего ему точно не светило, но эту ночь он точно пережил бы.

А так – нет. Три пули – три дырки в спине. И все они, как выяснилось чуть позже при беглом осмотре тела, относились к тем ранениям, которые несовместимы с жизнью.

Следующей мишенью Георгия, несомненно, должна была стать Мезенцева, но до этого, слава богу, не дошло. Точнее, за это следовало сказать спасибо Нифонтову, который, несмотря на то что его голова все еще гудела от сильнейшего удара, а глаза вылезали на лоб от недостатка кислорода, все же смог сохранить присутствие духа и принять единственно верное решение, а именно – ткнуть ствол своего пистолета в живот убийцы торговца контрафактом и несколько раз нажать на спусковой крючок.

Тело Георгия вздрогнуло, рука чуть ослабла, и Николай наконец-то со всхлипом втянул в себя воздух, пару минут назад казавшийся ему вонючим и нечистым, а теперь сладчайшим и свежайшим. Все относительно, прав был старик Эйнштейн.

Выстрел. Еще один. Это в действие вступила Мезенцева, она всаживала в одержимого юношу пулю за пулей, причем тот и не думал умирать, только знай дергался при каждом попадании. Мало того, на его лице появилась очень и очень недобрая улыбка, которая крайне не понравилась Николаю, безуспешно пытающемуся столкнуть с себя противника.

А после все кончилось. Георгий издал горловой звук, примерно такой, какой можно услышать в момент пробивания засора в раковине вантузом, затем его тело обмякло, и он мешком повалился на землю.

– Что за хрень?! – заорала Мезенцева, подбегая к Нифонтову. – А?

– Заткнись, – просипел тот, цапнул с земли фонарик, с трудом поднялся на ноги, развернулся и обвел светом мусорные кучи. – Она тут. Или он. Рядом. Не бывает по-другому. Кха!

Так и есть: на одной из высоченных груд бытовых отходов, окружавших площадку, обнаружилась темная фигура, стоящая на самом, назовем его так, гребне и смотревшая вниз, прямо на оперативников. Луч выхватил ее из мрака, только вот ничего это стоящим внизу людям не дало, капюшон мешковатой куртки надежно скрывал лицо неведомого наблюдателя. Как, впрочем, и фигуру, потому понять, мужчина это или женщина, тоже было сложновато.

Кукловод. Тот, кто захватил сознание Георгия и, по сути, стал причиной его гибели.

– Надо брать, – вытолкнул приказ из саднящего горла Николай. – Быстро! Вот это настоящий покупатель.

Но какой там! Оперативники не успели двинуться с места, как тот, кто подчинил себе сознание покойного Георгия, канул во тьму свалки, где найти его возможным никак не представлялось.

Вот так и вышло, что окончательным результатом незамысловатой вроде операции выступили два трупа и три банки с такими ингредиентами, которые даже темные колдуны или самые отвязные ведьмы, окончательно склонившиеся на сторону мрака, не рискнут пускать в ход. Да что там! Просто хранить. Потому что за такие штуки никакого суда и следствия со стороны отдела не последует, а только допрос и последующее воздаяние по заслугам. Причем скорость и безболезненность воздаяния напрямую зависит от личной коммуникабельности и готовности к диалогу на допросе.

По сути, кроме как провалом случившееся назвать было нельзя, по причине чего, собственно, Ровнин и распекал провинившуюся парочку в своем кабинете, причем в присутствии

остальных сотрудников отдела. Нет-нет, никакой показательной порки, ничего подобного. Просто случившееся событие даже с учетом специфики работы отдела 15-К являлось из ряда вон выходящим, вот и совместил Олег Георгиевич головоломку с производственным совещанием.

– Правы они оба, – подал голос Михеев, а после потер щеки ладонями, сгоняя остатки сонливости. – Колька действовал полностью по ситуации. И Женька тоже ни при чем, она пыталась этого стервеца спасти, как ей было велено. Но кто мог предположить, что покупатель одержимым окажется? Мало того, что он еще и палить начнет?

– Последнее меня более всего смущает. – Ровнин уселся за стол. – Может, даже больше чем то, что на теневом рынке снова всплыла эта дрянь. Одержимость. Давненько в столице никто таким не баловался, по крайней мере так нагло, в открытую. Втихаря, уверен, случилось, зная нашу клиентуру, можно в том не сомневаться, но вот так, напоказ, с потенциальной готовностью на убийство, чуть ли не демонстративно? Это кто же такой смелый?

– Или глупый, – поправила его Тицина.

– Вот уж нет! – возразила ей тетя Паша. – Наш некто кто угодно, только не дурак. В первую очередь потому что дураку ни к чему тот товар, который выступал предметом сделки. Не по ранжиру он ему. Что там! Он не всякому умнику по плечу. Сколько я смогу назвать имен тех, кто горазд на волшебство или ритуалы такого уровня, при котором понадобятся такие ингредиенты? Десятка полтора максимум, кабы не меньше. Ну а в том, что его собирались пустить в ход максимально скоро, даже не сомневайтесь. Для стояния на полке подобное не приобретают, оно непременно должно пойти в ход. Товар скоропортящийся, месяц-другой, и можно выбрасывать.

– Сдается мне, что список имен, который ты имела в виду, смело можно мартирологом назвать, – заметил Пал Палыч. – Поскольку все его участники мертвы, причем давно.

– Ван Дорк точно жив, собака такая, все никак не очокурится. Он опять меня с Новым годом поздравил и коробку с бельгийским шоколадом передал, – поправила его уборщица. – Но кого-кого, а его точно в Москве нет. И пока меня костлявая не приберет, он сюда не сунется, таковы условия нашей сделки. Плюс еще двадцать лет после моей смерти.

– А если мы все же неправы? – предположила Вика. – Может, это не для себя покупалось, а для перепродажи? Тому же... Э-э-э... Ван... Как его, тетя Паша?

– Дорку, – напомнила старушка. – Да нет, не думаю. Слишком сложно. Купи, храни, потом еще через границу переправь, и я сейчас не о доблестной таможенной службе речь веду. Это все время и риски. Очень большие риски. Чересчур уж многослойная схема.

– Зато и доход хорош.

– На Шлюндта намекаешь? – проницательно глянула на девушку тетя Паша. – Ну да, этот здесь обретается и по-прежнему за копейку удавиться готов. Но – нет. Чересчур скользкая тема, даже для него. Очень уж за гранью закона находится. Хотя закон для него, как всегда, вторичен. Главное – следы. Он никогда их не оставляет, а тут вон целый ворох. Да, пока они никуда не ведут, но есть же? Так что, нет, Шлюндт тут ни при чем.

– Что еще примечательно, – кивнув уборщице в знак того, что ее доводы приняты, продолжила Виктория. – А тара-то для хранения изменилась.

– Вроде та же, – глянул на нее Михеев. – Или я что-то упустил?

– Упустил, – подтвердила девушка. – Вот, клеймо появилось. Смотрите.

Она перевернула емкость вверх дном и продемонстрировала собравшимся небольшой кругляш, вдавленный в стекло, на котором были изображены раскрытая книга и меч, как бы рассекающий ее на две части.

– Почти знак качества, – фыркнула Тицина. – Однако!

– Не почти, а он и есть, – мрачно сообщила ей тетя Паша.

– Во наглый! – не выдержала Женька. – Это до какой степени надо быть уверенным в своей неприкасаемости?

– Или неуловимости, – поправила ее Тицина.

– А я думаю, что это как раз очень хорошо, – произнес Николай. – Наглых и самоуверенных ловить проще всего. Они чаще ошибки совершают.

– И да, и нет. – Ровнин достал из ящика стола трубку и пачку табаку. – Чаше, конечно, да, но... Плюс я не уверен, что это личное клеймо нашего фабриканта. Это может быть и цеховой знак, причем с изрядной такой историей, уходящей корнями, например, в Средневековье. Надо будет в базе покопаться, поискать совпадения. Если прав ты, Коля, то на этот раз нам, может, и повезет. Если я, то все не так радужно.

– Почему? – тут же спросила Мезенцева.

– Вот же дурища, – вздохнула тетя Паша. – Олег говорит о том, что раньше этот паскудник один работал, а теперь, возможно, его под крыло взяли. За особые заслуги и высокий профессионализм. Одиночку ловить, конечно, труднее, но если уж на след встанешь, то все, никуда ему не деться. А вот когда твою цель всячески прикрывают работодатели, особенно с хорошими связями, возможностями и деньгами, то задача усложняется, и изрядно. Брали мы лет сорок назад одного такого, так вот за ним как раз большие люди стояли. Ох, чего только в ход против нас не пускали, как только не пытались остановить! Меня сначала машиной хотели сбить, а потом в квартиру «посековские» издания подбросили. Ну, запрещенную в стране литературу, за которую можно было хорошо так присесть.

– Но раскрутили дело? – азартно уточнила Женька.

– А как же, – не без гордости подтвердила тетя Паша. – Про него и по сей день иногда программы по телевизору показывают. Документальные расследования.

– Да ладно? – теперь уж и Николай удивился.

– Ну, формально чекисты тогда все зашили под коррупцию в торговых сферах, потому про него и любят вспоминать, – пояснила уборщица. – «Икорное дело». Но это так, вывеска. А по факту все куда серьезней обстояло, поверь. Хотя и цеховиков тогда тоже прижали как следует, разумеется. Юрий Владимирович свою работу хорошо знал, что есть, то есть.

– Кто знал? – уточнила Женька.

– Дед Пихто, – отмахнулась тетя Паша. – Верно говорят: потерянное поколение. Иваны, родства не помнящие.

– Это все здорово, но надо начинать землю носом рыть, – пыхнул трубкой Ровнин. – По-другому не получится, удачи у моря в данном случае ждать не стоит. Паш, начинай теревить агентуру, причем сразу по двум направлениям. Нам мало найти изготовителя этой дряни, надо и того отыскать, кто ее в ход собирался пустить. Причем как бы второй похлеще первого не оказался. Продавец только бизнесмен, как бы это цинично ни звучало. А вот потребитель... Надо его за горло брать, и как можно быстрее. Валя, ты попробуй разговорить кого-то из теней, может, кто что знает. Вика...

– Я знаю, что мне надо делать, – не стала дослушивать девушка. – Но сразу предупреждаю: вряд ли эти зелья нас к кому-то приведут. Скорее всего, получится так же, как и в прошлые два раза, то есть никак. И это, кстати, аргумент к спору о том, кем является изготовитель данной дряни, гением или глупцом. Дурак так запутать все тропинки, к нему ведущие, не сумеет.

– А мы? – Женька показала пальцем сначала на себя, потом на Нифонтова. – Нам что делать?

– Спать ступайте, – велел ей Олег Георгиевич. – Не совсем же я зверь? Да и толку от вас никакого не будет, вы с минуты на минуту начнете носом клевать. А вот после подтянете на себя всю текучку, Михееву сейчас не до нее станет. Тетя Паша, тебе приказывать не вправе, но ты...

– Я этих двоих с собой вечером прихвачу, – тоном, не оставляющим места для спора, сообщила руководителю отдела уборщица. – Поеду навещу одного старого приятеля.

Последнее слово она так выделила голосом, что Мезенцева тут же влезла в разговор со своим мнением:

– Не похоже, что приятеля.

– Я этого старого хрыча полвека не видела, и еще столько же не встречать бы, – подтвердила ее подозрения тетя Паша. – Редкой сволочности особа, даже по нашим меркам. Но при этом к нему раньше слухи да сплетни со всей Первопрестольной стекались. Любопытен он без меры плюс не прочь у чужого огонька руки погреть, если получится. Оно, конечно, время идет, мы все не молодеем, но привычки есть привычки, вряд ли они у него поменялись.

– Этот ваш знакомый точно не помер? – фыркнула Валентина. – Полвека – изрядный срок все же. А то прокатаетесь только понапрасну.

– Если бы помер, я бы проведала, – уборщица мечтательно прикрыла глаза. – И отпраздновала бы как следует. Только жив он. Жив. Сидит на своих исконных землях, как раньше, дергает за паутинки всех, до кого дотянуться может. Правда, власти у него поубавилось и владений тоже, это факт, но остальное, думаю, как было, так и осталось.

– А я знаю, о ком ты говоришь, – выпустив колечко дыма, произнес Ровнин. – О Фоме Фомиче. Верно?

– Верно, – кивнула тетя Паша. – Хм. Странно. А ты когда это с ним успел знакомство свести? И почему я ничего о том не ведаю?

– Понятия не имею, – усмехнулся Олег Георгиевич. – Это применительно к твоему незнанию. Что до знакомства, меня с ним Морозов познакомил незадолго до смерти. У них какие-то дела совместные имелись, но кто и что – не в курсе. Привез, представил, а после я у машины ждал, пока они лясы точили друг с другом.

– И зря ты мне про это не рассказал еще тогда, – сверкнула глазами тетя Паша. – Следовало бы. Может, Морозов и погиб оттого, что с Фомичом связался? Этот гад подколодный запросто мог такое устроить. Его хлебом не корми, только дай кого-то сгубить.

– Ну, началось, – закатила глаза под лоб Тицина. – Сейчас пойдет изложение теории всемирного заговора от тети Паши.

– Экая ты сегодня резвая, Валентина. – Уборщица встала со стула и взялась за швабру, прислоненную к его спинке. – Хотя вроде на дворе и не весна.

– А при чем тут весна? – заинтересовался Николай. – Какая взаимосвязь?

– Так Валька на диету свою всегда по апрелю садится, – пояснила уборщица. – Как есть перестает, так у нее чувство юмора обостряется. Ну, не то чтобы прямо юмора... Так, потуги на оный. Ну, вы все только что слышали. Она вроде как пошутила, но чего-то не смешно никому. Так я о чем? А, вот! Но то ведь весной, верно, когда она голодает и маленько стройнеет. А сейчас вон гляди, как у нее с боков свисает! Значит, жрет все и без разбору. Вот и выходит несоответствие. С чего ей шутить? Не сезон!

– Фу, тетя Паша, – поморщилась Виктория. – Прямо вот фу! Зачем так-то?

– Я старая, мне можно. – Уборщица открыла дверь. – У меня маразм прогрессирует, потому ответственность за сказанное отсутствует полностью, равно как и моральные обоснования чего угодно. Эй, вы, двое, брысь спать. Вечером нас ждут великие дела, так что отдохните маленько.

– Ну, тетя Паша. – Щеки Валентины вспыхнули как маков цвет. – Ну, тетя Паша!

– И? – Уборщица оперлась на швабру, став немного похожей на статую «Девушка с веслом», разве что только выглядела не столь монументально. – Я тетя Паша. Чего сказать хочешь?

– Ничего, – буркнула Тицина и выскочила из кабинета.

– В самом деле, – укоризненно произнес Ровнин, выбивая трубку в пепельницу. – Валентина теперь неделю будет как в воду опущенная ходить. Ты же знаешь, как она к своей фигуре относится.

– Дура потому что, – Михеев зевнул и тоже направился к двери. – Все у нее нормально с фигурой. С башкой – нет, с ней беда, а с фигурой – нормально. Есть за что мужчине подержаться. И для голодного года она то что надо, ей долго питаться можно, если что!

– Михеев, ты не тетя Паша, потому тебе я честно все могу сказать, – заявила Виктория. – Ты – скотина!

– Редкостная, – согласился с ней оперативник. – Кто бы спорил? Олег, я уехал, если что – на связи. Коль, звонки по работе на тебя перевожу, уж не обессудь.

– Не вопрос, – кивнул Нифонтов. – Жень, пошли спать. Чую, времени у нас в обрез. Аникушка, тебе чего?

Домовой сурово заступил парочке оперативников дорогу и помотал головой в отрицающем жесте.

– В душ вам надо сходить, – сообщил молодым людям Тит Титыч, вылезая из стены. – Только уж по отдельности, вестимо, не вместе. Что вы так смотрите? Вы же не в розарии бродили, а на свалке, потому, должно, пахнет от вас. Я-то мертвенький, не чую, а вот остальным-то как быть? Да и мебели стоит пожалеть, трупный да мусорный смрад самый цеплuchий. Опять же, одежду надо бы сменить, а эту вон Аникушке отдать, он ее быстренько простирнет, отпарит.

– Представляешь, а я привыкла, – удивленно сообщила Николаю Мезенцева и понюхала рукав своей куртки. – Серьезно. Вот чего Вика жалом водила и от меня шарахалась!

В результате после водных процедур только пару часов ребятам и удалось покомарить на старых кожаных диванах, которые стояли в небольшой комнатушке, известной среди сотрудников отдела под кодовым названием «спальня», и помнящих те времена, когда Россией правил царь-батюшка, причем, скорее всего, даже не тот, которого большевики в Ипатьевском доме порешили.

До вечера они успели сгонять на Мещанскую, где провели воспитательную беседу с начинающим подъездным, взявшим моду подглядывать в ванной за молодыми и фигуристыми гражданками, проживающими в вверенном ему доме, после по приказу Ровнина заскочили в ОВД, на территории которого находилась вышеупомянутая свалка, и подписали бумаги, по которым значилось, что это именно они обнаружили тела двух неустановленных граждан, одного с ножевыми ранениями, приведшими к его гибели, второго с огнестрельными. От ножевых, как выяснилось, скончался Георгий. Причем они действительно на теле имелись, и оружие, которыми их пострадавшему нанесло неустановленное лицо, уже лежало в вещдоках. Ну вот не хотел Олег Георгиевич тратить время на служебное расследование, которое являлось неминуемым в том случае, если Нифонтов и Мезенцева напишут рапорт о применении табельного оружия, как того требовал закон. Опять же, по процедуре их обоих должны были от дел отстранить, а работать и так некому. Каким образом он этого добился, на какие рычаги нажимал – неизвестно, но результат был нагляден. Нет больше огнестрельных ранений. Не стрелял в Георгия никто.

Короче, хорошо так помотались ребята по городу, в результате вернулись в отдел не к шести, а почти к семи часам вечера, когда солнце уже почти село за крыши домов.

– Устала, как собака, – простонала Женька, вылезая из микроавтобуса. – И если я сейчас чего-нибудь не съем, то незамедлительно схохну.

– Валяй, – бодро предложила тетя Паша, невесть откуда появившаяся рядом с сотрудниками. Не было ее только что, и тут раз – вот она появилась. – Помирай.

– Вы такая добрая сегодня, что прямо пипец, – чуть ошарашенно пробормотала Мезенцева. – Сначала Вальку приласкали, теперь меня. Какая собака вас укусила? Или у вас этот... Как его... Осенний сплин?

– Никто меня не кусал. Это вы с Валентиной слишком много о себе понимаете. Ну и еще не умеете отвечать за свои слова. Ты сказала, если сейчас не поем, то помру. В данный момент

о еде можешь забыть, потому что прямо сейчас мы отбываем к Фоме Фомичу в гости. Так что либо бери слова назад, либо помирай.

– Беру слова назад, – вздохнула Мезенцева. – А может, завернем по дороге в какой-нибудь магазин, а? Купим сэндвичей или чего-то в этом роде? Я угощаю.

– Некогда. – Тетя Паша ткнула пальцем в стремительно темнеющее небо. – Мы и так опаздываем. Я хотела появиться там до заката, это лучшее время из всех возможных, но вы, мои юные друзья, совершенно не знаете цены правильности момента в частности и времени в целом. Плюс теперь мы все пробки соберем, поскольку ехать нам на другой конец города.

– А куда именно? – уточнил Николай, снова пристраивая свой смартфон в держатель, прилепленный к лобовому стеклу. – Какой адрес задавать?

– Битцевский лесопарк, – ответила старушка, ловко забираясь в микроавтобус. – А на месте ориентирую, с какой стороны подъезжать к нему следует. Понятно, что с конца шестидесятых там все изменилось, но, думаю, не заплутаю. В старые времена я там часто бывала. В каком-то смысле это была наша территория. Отчасти, разумеется, но тем не менее.

– В каком же смысле «наша»? – Женька уселась рядом с ней. – Отдельская?

– Место отдела – тут, и более нигде, – немного жестко ответила ей старушка. – От веку и до веку. Пока стоит Сухаревка, пока лежит в этой земле хоть один кирпич из основания «брюсовой» башни, быть нам здесь, ясно? Это наш дом. Судьба наша. Умирать каждый в том месте станет, которое ему судьба определит, это верно, но все одно напоследок хоть на миг сюда вернется, чтобы попрощаться с домом своим и семьей. Так было, и так будет.

– Никто и никогда, – понимающе кивнул Николай и повернул ключ в замке зажигания. – Это мы в курсе. А вот насчет Битцевского парка я с Женькой соглашусь. В смысле, тоже не понял, что вы в виду имеете. Почему «наш»-то?

Оказалось, что в двадцатые-тридцатые годы находился там некий санаторий, принадлежавший Центральной комиссии по улучшению быта ученых. Нет, все было так, как значилось на бумаге, то есть там и ученые имелись, причем самые настоящие, уставшие от трудов праведных, мыслительных, и массовики-затейники с баянами наперевес, столовая, в которой сметану в стаканах на завтрак официантки в фартучках и наколочках труженикам от науки подавали. Вот только почти все эти умники трудились не где-то там, а в бехтеревском институте изучения мозга. Очень непростом институте, в который не то что с улицы попасть никто не мог, но и даже по рекомендации, если та была недостаточно весома. Впрочем, оно ни разу не странно, ведь работу данного заведения курировал непосредственно Глеб Бокий, человек крайне непростой, возглавлявший 9-й отдел ГУГБ НКВД, о работе которого и сегодня мало чего известно, и знающий очень, очень многое о той стороне жизни, в которую обычным людям хода нет. В основном в прессе циркулируют сплетни про торт с ядом, которым Крупскую отравили, и прочие утки подобного толка, но все это так, мишура. А чем на самом деле занимались Бокий и его люди, не знает никто, кроме небольшого количества лиц, имеющих доступ к закрытым архивам.

Так вот, в подобном режиме просуществовал этот санаторий до самого 1937 года, а потом все резко прекратилось. Некому стало там отдыхать, разбросала жизнь и судьба ученых-бехтеревцев по разным местам. Кого в другие институты, кого в шарашки крепить оборону Родины, а немногих и в недалекие от санатория Коммунарку или Бутово, на тот полигон, рядом с которым каждую ночь ревели моторы машин, глушащие звуки выстрелов. Хотя, если честно, большинству ученых в этой лотерее все же повезло побольше, чем сотрудникам Бокия, поскольку последних, за редким исключением, почти всех к стенке прислонили, причем в кратчайшие, даже по тем скорым на расправу временам, сроки. Ну а везунчиков, таких как тетя Паша, отправили туда, где ночь по полгода длится и северное сияние по небу красоту раскидывает. И еще неизвестно, кому пришлось хуже – живым или мертвым.

Что же непосредственно до санатория, с ним-то как раз ничего и не случилось, он просто перешел в ведение Академии наук, вот и все. Впрочем, нет, не все. Местечко для отдохновения ученых Глеб Иванович то ли случайно, то ли с умыслом выбрал непростое, с историей, причем серьезной, трехвековой, связанной с очень громкими именами. Создали санаторий на базе старинной усадьбы под названием «Узкое», которая в разные годы принадлежала Стрешневым, Голицыным, Трубецким. Короче, тем, кто стоял близ трона государева и решал, кому в государстве Российском жить, а кому умирать. Кто знает, о чем в той усадьбе разговоры в старые времена велись, какие планы строились, какие тайны доверялись и нарушались?

Да и кровь, поди, там лилась. Не может такого быть, чтобы без нее обошлось. Там, где есть власть, всегда поблизости угнездятся деньги, ложь, кровь и смерть. Они порознь не ходят.

Дом – он, конечно, не живое существо, но душа в нем есть, это уж точно. И она запоминает все и всех, кого видела.

А самое любопытное то, что путь свой тетя Паша с молодыми коллегами держала вовсе не в это, казалось бы, просто-таки созданное для них место.

– Там и раньше делать было нечего, – отмахнулась от насевшей на нее Женьки старушка. – Умники эти нудные были до жути. Вроде молодые ребята большей частью, кровь должна играть, штаны спереди бугром топорщиться при виде красивой и бесхозной бабы, а на деле пшик и только. И глаз у них тусклый, что у воблы сушеной. Я в тридцать пятом туда после ранения поехала подлечиться, мне один ухарь-одессит сдуру плечо продырявил при задержании, так меня на три дня только хватило. Скука смертная, даже водка не спасала. Сбежала я оттуда в результате, на Лубянке быстренько перехватила у Гриши Крамфуса одно любопытное дельце, связанное с наследием «Астреи», и уехала в Ленинград. Иначе было нельзя, Глеб Иванович очень не любил, когда его приказы нарушали.

Нифонтову было знакомо это название. «Астрея», масонская ложа, одна из самых влиятельных и старейших в России, сумевшая пережить треволнения времен Александра Первого, сбережь свои символы, несмотря на то что за ними гонялись не кто-то, а коллеги Николая и Женьки, тогда находившиеся в подчинении у графа Кочубея, которого император как раз на масонов и натравил, а после возродиться к жизни в начале двадцатого века.

– Нет, нам вообще в другую сторону надо, – продолжала тем временем свои речи тетя Паша. – Нужная дорога через лес идет. По нему до реки Чертановки дойдем, от нее возьмем направление к трем ручьям, а там, коли повезет да Фома Фомич нас видеть пожелает, и до цели нашего путешествия доберемся.

– А имя собственное у этой цели есть? – осведомилась у уборщицы Женька. – Просто как-то меня Чертановка насторожила немного. Не думаю, что просто так реке подобное название дали.

– Правильно думаешь, – подтвердила тетя Паша. – Молодец, иногда проявляешь смекалку. И потому тебе вряд ли понравится то, какое имя носит резиденция Фомича.

– И все-таки? – чуть выпятила нижнюю губу Женька.

– Лысая гора, – ответила ей старушка и мило улыбнулась.

Глава третья

Идолы (окончание)

Надо заметить, что Николаю в этих местах раньше бывать не приходилось. Вот как-то не заносила его сюда оперская судьба. И отчего-то он ожидал увидеть эдакое мрачное место, не слишком ухоженный лес, может, даже отсутствие признаков парковой цивилизации, вроде лавочек, кованых ворот и парковочных мест. Отчего, почему – непонятно. Может, его смутило название? Битца! Будто молотком кого-то по умной голове со всего маху ударили. Битца! На, получи! И не шуми...

Однако же он оказался неправ, причем совершенно. Все там имелось в наличии: и парковочные места, причем бесплатные, и фонари, и автобусные остановки. Мало того, неподалеку и метро имелось, о чем сообщила своим спутникам тетя Паша.

– Как же вам, молодым, стало просто в этот парк ездить, – вздохнула она. – Спустился в метрополитен, сорок минут – и ты здесь. А вот нам раньше... Пока дошкандыбаешь по местным хлябям до того же санатория – замучаешься. Хотя, с другой стороны, тогда тут никакого парка в помине не было.

– Это все здорово, метро и так далее, – согласился с ней Николай, копаясь в смартфоне. – Но чего мы сюда приперлись? Ты говорила про речку Чертановку, верно? Судя по карте, она отсюда неблизко. Разумнее было со стороны Севастопольского проспекта подъезжать, мы тогда здорово дорогу бы спрямили.

– Ты еще со мной поспорь, – с ехидцей произнесла тетя Паша. – Хотя... Если хочешь, валяй разворачивайся и дуй на Севастопольский, а после сам ищи дорогу к Фомичу. А я отсюда пойду. Поглядим, кто первым до него доберется. И вообще куда-то доберется.

– Я с вами, – тут же заявила Женька. – Вот только давайте сначала, прежде чем в лес пойдем, перекусим, а? Вон и палатка стоит. Я эту сеть знаю, у них хорошая шавуха, с нее точно не пронесет.

– Шавуха – это аргумент, – Николай благоразумно решил далее спор с уборщицей не длить. С нее станется его и в самом деле отправить искать свою дорогу через Битцевский лес. А он, судя по карте, был сильно велик. Не тайга, конечно, но тем не менее. И навигатор тут не используешь. Конечной точки маршрута-то нет. – Как, тетя Паша? Есть у нас минут двадцать в запасе? Все равно уже стемнело.

– Да все равно не в коня корм, – старушка скептически оглядела Мезенцеву. – Вроде ведь постоянно жует что-то, а все худющая как не знаю кто.

– У меня мама такая же, – пояснила Женька. – И бабуля. У нас всех вот такой обмен веществ. Семейное это.

– Даже и не знаешь, то ли это проклятие, то ли благословение, – философски рассудила тетя Паша. – Ладно, пошли. Только быстро. Нам до полуночи хорошо бы на месте оказаться. Не стоит Фомича лишний раз в соблазн вводить.

– Не знаю, не знаю. – Николай еще раз глянул на экран смартфона. – Тут хорошо потопать придется. Жень, сколько раз тебе говорить – не хлопай так дверцей! И так микроавтобус на ладан дышит, а спонсоров у нас нет и не предвидится. Сломаешь – за свой счет новый покупать заставлю!

Шаурма и впрямь оказалась хороша – горячая, сочная и ароматная. И как же славно она елась в этот тихий вечер, какие иногда выпадают посреди дождливой осени. Вроде бы все, вроде совсем ушло лето, прикрыв за собой дверь и уступив место бесконечным дождям, слякоти, порывам ветра, несущего с собой запах скорой зимы. И вдруг – бах, и утром горожане видят над собой синее небо, а серый еще вчера мир вдруг раскрашивается багряно-желтыми

цветами, да так, что глазам на них смотреть больно. Такое случается нечасто и ненадолго, но если ты смог поймать этот день, как некую волшебную жар-птицу, если не прозевал его, не сменил на сидение в офисе, то, считай, тебе повезло, и эта осень для тебя прошла не зря.

А если еще и вечер сумел захватить, то вовсе молодец. Такой же, как два оперативника и одна уборщица, жующие шаурму, пьющие кофе «три в одном» и следящие за парением листьев, засыпающих аллеи.

– Вон там начинается Ясневская аллея, – тетя Паша ткнула пальцем в сторону ворот, обозначающих начало парка. – Если с нее никуда не сворачивать, в Чертаново придешь.

– Ого, – прониклась Женька. – На метро если, то половину Москвы объехать придется, а тут, значит, пешком дойти можно.

– Можно, – кивнула уборщица и отхлебнула кофе. – Но нам туда не надо. Мы примем правее, дойдем до Городни, а там... А там разберемся.

– Городня – река? – уточнила девушка и получила в ответ подтверждающий кивок. – Ага, я так и подумала. Теть Паш, доедать будешь?

– Я вообще не знаю, зачем вы мне ее купили? – уборщица пододвинула даже не развернутую снесь оперативнице. – И потом, разве это шаурма? Это даже не дондурмек. Нет уж, такое без меня.

– Абрагим хорошую шаурму делает. – Николай прикончил свою порцию и вытер руки салфеткой. – Язык проглотишь.

– Меня он вряд ли станет кормить, – тетя Паша нехорошо улыбнулась. – Да и я вряд ли стану у него в гостях есть.

Все обстояло именно так. Не совпадали ритмы жизненных сред у шаурмичника-аджина, известного всей ночной Москве, и пожилой сотрудницы отдела, пробежала когда-то между ними черная кошка. Какая, почему – Николай не знал, а спрашивать не хотел. С каких-то пор он вообще стал делить информацию на три основных потока. Первый – общеизвестный, то есть те данные, которые в принципе не являются тайной и, следовательно, находятся в свободном доступе. Второй – личная и тайная информация о ком-то или о чем-то, которая может быть использована в работе, и потому желательная к изучению и осмыслению, причем независимо от того, каким именно образом она будет получена. Все, что хорошо для отдела, то не аморально и не предосудительно, если, конечно, речь не идет об открытой уголовщине. Не для себя, в конце концов, он старается? И наконец, третье направление. Личная и тайная информация, обладание которой принесет больше вреда, чем пользы. Она, как правило, была связана с ближайшим окружением, потому являлась совершенно бесполезной для дела. А иногда и откровенно лишней, ведущей к неприятностям. Вот как сейчас, например. Стоит ли знать, отчего аджин с «Парка культуры» и тетя Паша друг на друга волками смотрят? Ведь может выйти и так, что, поняв подоплеку конфликта, ему придется выбирать чью-то сторону. Да-да, с годами тетя Паша становится все обидчивее, с немолодыми людьми такое случается сплошь и рядом. Возьмет вот и скажет:

– Теперь ты в курсе, выбирай, кто тебе нужнее – я или он!

И что тогда? А Абрагим – это не просто владелец небольшого уличного кафе. Это мостик между Днем и Ночью, нейтральная территория для переговоров, бесценный источник информации и еще много, много чего. Плюс у него действительно отменная шаурма. Другой такой в столице и области нет. А может, и в стране.

Так что, пусть это все останется между ними. Понадобится – позовут, а нет – так и не надо.

– Тетя Паша, а почему вы у Абрагима... – у Мезенцевой, увы, таких принципов, как у Николая, не имелось, потому последнему пришлось срочно принимать меры, а именно взять ее стаканчик с кофе и выкинуть его в мусорное ведро. – Коль, ты чего! Зачем? Я же не допила еще.

– Двадцать минут прошло, – продемонстрировал Нифонтов напарнице циферблат часов. – По дороге доешь. Верно, тетя Паша?

– Верно, верно, – лукаво блеснула глазами старушка и последовала его примеру, а именно тоже отправила картонную емкость в мусор. – Ну пошли, ребятки, в темный лес, полный сказок и чудес. Песню такую в моей юности пели часто хором под гитару. Тут как раз, в санатории, в тридцатые. И что примечательно, некоторые вокалисты тут неподалеку лежат. Тоже в каком-то смысле в лесу.

– Во время войны погибли? – жуя, спросила Мезенцева. – Великой Отечественной?

– До нее, – отозвалась тетя Паша. – Не поняла, о чем я? Ну, может, оно и к лучшему.

Николай понял, но комментировать сказанное никак не стал. Да и что тут скажешь? Чтобы по справедливости оценить все, что случилось в ту эпоху, надо было в ней жить. Только тогда возможно отделить правду от лжи, да и то не факт, что получится. А уж из нынешнего времени, как ни вглядывайся в тени прошлого, все равно ничего уже не разглядишь, а потому волей-неволей начнешь повторять все то, что тебе вдальбливает неугомное ТВ через сериалы, аналитические программы и прочая, прочая, прочая.

Но одно Николай знал точно – это было время гигантов. И в разрезе страны, и в разрезе отдела. Он много дел той поры перечел, еще когда в дежурке сидел, и, отталкиваясь от наработанного за прошедшие годы опыта, теперь точно мог сказать – отчаянной смелости и отваги были тогда сотрудники. Они, нынешние, тоже не трусы, но все же в иных случаях могут и отступить, и на компромисс пойти. А те, из тридцатых, полутонов не признавали. Или так, или никак.

За всеми этими раздумьями Нифонтов даже и не заметил, как они вошли в лес. Весьма комфортабельный, следует признать. Фонари, лавочки, дорожки асфальтированные. По такому бы с Людмилой прогуляться как-нибудь, так, чтобы не спешить никуда, не ловить никого. Просто идти и идти, беседуя о всяких пустяках, шуршать опавшей листвой, фотографироваться на фоне особенно красивых деревьев. Короче, быть как все.

Только вот вряд ли такое возможно. Он тут, Люда там, в своей деревне, и никаких перспектив на воссоединение пока нет. Не желают ее отпускать из ковена безданно, беспошлинно, а та цена, что ему была названа... Ее он не примет.

Потому тупик. Но это пока. Раньше или позже все равно какой-то шанс разорвать этот круг появится, пусть маленький, пусть единственный, но он будет. И тогда важно его не проморгать.

– Вот тут поворачиваем, – скомандовала тетя Паша минут через десять, подсвечивая фонариком, который она извлекла из сумки, узенькую дорожку, которая лихо виляла между деревьев. – Евгения, не спи, замерзнешь.

– Ага, – зевнула Мезенцева. – Просто вторую ночь шастаем по каким-то ебе... Кхм. Закоулкам. И тропинкам. Если еще и завтра то же самое повторится, то я заору.

– До завтра дожить надо, – без тени иронии сообщила ей тетя Паша. – Фома Фомич – хозяин вздорный, он, бывает, гостей своих жалует, а бывает, и нет. Все от настроения зависит. Я всяко выберусь, такая уж мне судьба отмеряна, Коля тоже, он хитрец еще тот, знает, когда надо бежать, а когда стоять, а вот ты со своей расхлябанностью – не факт. Если только мы же из жалости тебя и вытащим.

– Надо было хлебца взять, – подсвечивая фонарем, который он включил на смартфон, раскидистые деревья, произнес Николай. – Местному лешему им поклониться.

– Не надо, – отмахнулась старушка, шустро шагая впереди. – Не нужны местному лешему подношения. Да и нет тут такого давно. Был, да весь вышел.

– Это как же так? – изумился Нифонтов. – Лес – и без Хозяина?

– Хозяин есть, – тетя Паша ловко перепрыгнула через небольшой ручеек. – Куда он денется? Фомич тут главный, от края и до края. Все здесь его: и лес, и речки, и дороги, и

живность. Захочет – ты до нужного места быстренько дойдешь. Не захочет – ввек до цели не доберешься.

– Забавно, – призадумался Нифонтов. – Так-то вроде все в стандартную схему укладывается, по всему выходит, что все равно твой Фомич – классический лешак. Вот только речки, с ними как? И еще ты сказала, что он многое знает из того, что в городе происходит, за тем мы к нему и топаем. А лесные Хозяева на все, что за пределами их владений, чихать хотели.

– Странно, да? – хихикнула старушка. – Вот и мы тогда понять не могли, с чего это по всем параметрам обычный лешак вдруг такую власть взял, да еще в чужие дела стал нос совать.

– И почему? – подключилась к беседе Мезенцева.

– А вот так, – уклонилась от ответа тетя Паша. – Потому что. Вот, почти пришли. Там поляна, кажись. Третья из четырех.

– Я вообще перестала что-то понимать, – пожаловалась Мезенцева напарнику. – Вот как с ней работать?

– Вдумчиво, – серьезно ответил ей Николай. – Без спешки и рефлексии. Тогда раньше или позже ты получишь ответы на все вопросы.

– Именно, – повернув голову, уборщица одобрительно глянула на оперативника. – Молодец. Ну а что до порядкового номера поляны, так тут все просто. Время – вот та шкала, по которой многое меряется, в том числе и капища, коих в этом лесопарке четыре. Их не одновременно наши пращурьы закладывали, поскольку капище – это вам не дом типовой застройки. Первым стало место, где в совсем уж старые дни схоронили павших в бою воинов. Оно расположено как раз у того входа, про который Колька упоминал, у Севастопольского проспекта. Сейчас его называют урочищем Сеча, вот только никто не помнит о том, с кем именно рубились тогда лучшие бойцы вятичей, что именно защищали и кого на нашу землю не пустили. Хотя, как в случае с Бутово и Коммунаркой, может, оно и к лучшему, иные события лучше не поминать всуе и вслух. Иногда неосторожное слово может много вреда наделать. Главное, не забыли потомки предков, помнят, что те здесь умерли, не отступив и родной земли не предав, вот уже и ладно.

– Можно было стороной обойти, – предположила Евгения. – Ну, это капище.

– Можно, – согласилась тетя Паша. – Но все равно не хочу я там появляться. Скверные воспоминания, знаете ли. Второе капище можно забыть, на его месте теперь мебельная фабрика расположена. Третье – здесь, мы почти пришли. Ну а четвертое на Лысой горе, в резиденции Фомича квартирует. Его опальные волхвы в свое время сварганили, те, которые от князя Владимира ноги успели унести. И попасть туда можно только с личного разрешения Хозяина этого леса. Нет, на гору вскарабкаться любой может, это пожалуйста. Но увидеть то, что там находится на самом деле, можно лишь по воле местного владыки.

– Типа это телепорты? – выпучила глаза Мезенцева. – Да ладно!

– Меньше кино смотри, – порекомендовала ей тетя Паша. – А ну, тихо!

Откуда-то издалека, с востока, до них донесся протяжный то ли вой, то ли плач.

– Очень любопытно, – уборщица поджала губы. – Однако совсем, видно, Фомич сбрендил, раз подобную живность тут терпит.

– Волк? – чуть испуганно осведомилась Мезенцева у напарника. – Да? Офигеть!

– Да откуда тут волк? – засомневался тот. – С ума сошла? Хоть сто раз будь этот Фомич тут владыкой, все равно власти такого бы не допустили. Против столичной мэрии и Собянина ни один леший не пляшет, это уж будь уверена. С ними даже Ровнин не всегда решается спорить.

В тот же момент раздался еще один такой же звук, но уже с другой стороны парка.

– Не нравится мне это все, – ощутимо напряглась тетя Паша. – Хорошо хоть, уже почти пришли.

Само собой, никакого страха она не испытывала, о подобном даже речь не шла. Атрофировалось данное чувство у этой безобидной на вид бабульки за долгую, долгую жизнь. Потому что если тебя раз за разом судьба лупит со всей дури куда только можно, то ты либо ломаешься, либо привыкаешь держать удар, и после этого напугать тебя чем-то становится крайне сложно.

Тропинка, уже совсем почти неразличимая среди травы, вильнула еще пару раз, огибая непролазные заросли разросшегося орешника, и привела сотрудников отдела на небольшую и, на первый взгляд, идеально круглую поляну, при первом же взгляде на которую Мезенцева уважительно присвистнула.

– Однако, – сообщила она спутникам. – От души тут родноверы потрудились!

И следует признать, что данное утверждение имело под собой основание, так как на поляне стояли, глядя вроде бы как в разные стороны, а то и друг на друга, десятка полтора деревянных идолов, причем вырезанных крайне искусно, явно с душой. Так сказать, для себя.

Но вот что интересно, смотрели-то они кто куда, но по факту перекрестье их взглядов в итоге скрещивалось на центре поляны.

– Ну, может, это и не их творчество, – усомнился Николай. – Сейчас подобные забавы вообще в моде. Наше славное прошлое, славянские скрепы, тропами предков и так далее. Опять же, под этим соусом бюджет осваивать удобно, никто же не знает, сколько стоит, например, Перуна вырезать? Да еще вон, гляди, здоровенного какого. Здесь тебе не асфальтирование или озеленение с известными всем рыночными ценами.

– Это не Перун, это его брат Дажьбог, – поправила его тетя Паша, уже вышедшая на середину поляны, где на ней, казалось, скрестились взоры большинства идолов. – Выучи наконец, кто из них есть кто, важное ведь знание. Раз подобное простится, два простится, а на третий кто знает, что может случиться? Да, я знаю, что ты подумал. Ничего не случится, данные боги давным-давно ушли в историю, тем более что тут даже не идолы, а так, их муляж. Верно?

– Ну...

– Да, это новоделы. Вот только земля под ними та же осталась, по которой ноги этих богов ступали. Не так важно, когда, где и кем овеществленный символ сработан, важно, откуда он силу черпает. Ладно, не суть. Сюда идите.

После того как молодые люди выполнили ее просьбу и тоже оказались под перекрестным взглядом мрачно выглядящих в ночной темноте идолов, тетя Паша вздохнула и громко произнесла:

– Фома Фомич, привет тебе. Открой мне дорогу в свой дом, поговорить надо.

И – ничего. Тишина стояла вокруг, только где-то неподалеку филин отрывисто ухнул.

– Хватит старые обиды поминать, – уже более властно повторила женщина. – Было и прошло, что через столько лет крайнего выискивать? Раз сама пришла, значит, есть на то повод. Открывай путь, говорю! Обещаю, вреда тебе никакого нынче не причиню и неволить никак не стану. Просто потолкуем о том и о сем. И не без выгоды для тебя.

И снова ничего не произошло.

– Да чтоб тебе, старый ты хрыч! – топнула ногой тетя Паша. – Сказано же, разговор важный! Хорош уже припоминать то, что я тебе тогда...

Деревья неподалеку от сотрудников отдела странно скрипнули, словно дверь на несмазанных петлях, после качнулись, и на поляну кубарем вылетел невысокий старичок в когда-то добротной, а теперь разодранной, а местами и окровавленной одежде.

– Фома? – изумилась тетя Паша. – Слушай, в подобные крайности-то впадать все же не стоило. Нет, мне как женщине, безусловно, приятно, что ты, забыв все наши разногласия, вот так, раздирая в клочья вещи и кожу, мчишься сюда, наплевав на любые преграды, но можно было ограничиться чем-то менее зрелищным. Например, просто открыть короткую дорогу на твою гору. И все. Хотя столь пылкие чувства, разумеется, достойны всяческого...

– Какие чувства? – фальцетом завопил старичок. – Ты о чем? Нет у меня никаких чувств к тебе, и не было никогда! И быть не могло! Ты человек, а я нет. Ерунда какая! Да я разве что убить тебя хотел пару раз, вот и все чувства!

– Красивая сцена могла получиться, – чуть расстроено сообщила присутствующим Павла Никитична, довольно кокетливым жестом поправив волосы. – Академическая. Давние друзья-неприятели встречаются вновь и все такое. У меня ведь, Коля, немалый сценический дар имеется. Помню, мы с Константином Сергеевичем как-то в «Савое» шампанское употребляли по зиме, он мне так и сказал: «Вот тебя, Павла, ничему учить не надо, не то что иных актеров». Хотя, может, он и не это имел в виду, конечно. Мы с ним тогда... Кхм... Н-да. Но он был гений, а их поди пойми. Ладно, не суть. Фомич, если дело не во мне, то отчего ты такой замуренный? Словно волки тебя зубами драли, честно слово.

– Они и драли! – заорал в голос местный Хозяин. – Только не простые, а оборотные. Меня! В моем доме! В моем лесу! Как зайчишку! Каково?

Николай и Евгения недоуменно смотрели на него и не могли поверить в то, что именно это и есть Фома Фомич, тот самый, про которого им рассказывала уборщица. Они ждали увидеть эдакого Темного Властелина местного разлива, повелителя лесов, рек и капищ, а получили замызганного, да еще и перепуганного, старикашку.

– Зело борзо, – оценила его слова уборщица. – То-то мне вой не понравился. Стало быть, все же оборотни.

– Все препоны поломали, все запоры да замки сорвали, тайные и явные, – бормотал Фома Фомич, вставая на ноги. – Ничего их не сдержало. Ничего! Что нож сквозь масло, через лес прошли и прямо к моему дому выбрались. Чудом улизнул.

– Выходит, кто-то им помог, – резонно заметила тетя Паша. – Рубль за сто даю.

– Выходит, – хозяин Битцевского парка на секунду задумался, а после как-то по-другому, по-новому глянул на отдельскую уборщицу. – И не ты ли этот «кто-то», а? А что, с тебя станется, ты ведь тоже та еще волчица. Так ведь тебя Иннерхайб прозвал после того, как ты за бриллиант Абрамелина в Марьиной роще сначала глотку Форшу перегрызла, а после и его самого чуть на тот свет не спровадила? Так, может, ты этих головорезов на меня натравила, а теперь здесь стоишь и делаешь вид, что ни при чем?

– Совсем ты рехнулся? – возмутилась тетя Паша. – Никогда за мной такие штуки не значились, даже в старые годы. А уж теперь-то... Я, знаешь ли, себя уважаю. А что до Форша, патроны у меня тогда кончились, нож я еще раньше в чьем-то трупе оставила, вот и пришлось зубы в ход пускать. Нельзя было его живым оставлять, опасен он был для нашего дела. Но это все к делу не относится. Ты другое скажи – чего они от тебя хотели-то?

– Убить! – взвизгнул Фомич. – Что же еще?

– Да чем ты, пенек трухлявый, мог им помешать? – насмешливо осведомилась старушка. – Им твой лес даром не нужен. Это же город, а оборотни их терпеть не могут. Особенно волкодлаки. Темнишь ты. Ой, темнишь. Говори, огрызок, что им нужно!

– Да пошла ты! – старик встал с земли и зло зыркнул на собеседницу. – Не твоего ума дело! И вообще, пропадите вы все пропадом! Вы, они... Все! Ненавижу!

Последнее слово старичок не столько произнес, сколько выплюнул, а следом было собрался покинуть круг идиолов и снова скрыться в лесной чаще, вот только не успел, потому что на поляну одна за другой скользнули шесть серых теней.

Волки. Вернее, оборотни. Здоровые, поджарые, зубастые, с лобастыми головами и нехорошим блеском в глазах.

– Догнали, – проскулил Фомич. – И все из-за тебя! Всегда ты мне, Павла, неудачу приносила. Дурной у тебя глаз.

– Нормальный у меня глаз, – неторопливо проговорила старушка. – Обычный. А в своих бедах себя вини. Ты же всегда хотел сидеть выше других? Вот и результат. Мало того, ты и нас, похоже, с собой на тот свет утащишь. Знаю я этих тварей, они свидетелей не оставляют.

– Теть Паша, плохо дело, – Нифонтов внимательно следил за волками, которые преувеличенно неторопливо окружали небольшую компанию, стоящую среди идолов. – Двоих я, если очень повезет, уработаю, но не больше.

– И пули у нас не заговоренные, – добавила Мезенцева. – Чего не взяла, дура? Ведь думала же.

– Сама же сказала – дура, – тетя Паша пихнула ногой старика, который мешком осел на землю и жалобно всхлипывал. – Что, владыка земель, рек и леса, обгадился уже от страха? Говори, чего им от тебя надо?

– Амулет, – ответил ей вместо Фомича один из волков. Вернее, молодой человек, который невесть когда успел сменить серую шесть на вполне пристойный костюм, а звериный оскал – на весьма приветливую улыбку. – Нам нужен амулет, который он присвоил себе давным-давно.

– Не присвоил, – неожиданно подал голос старик. – Он – мой. По праву! Был ничей, я его нашел!

– Еще раз предлагаю – отдай его нам добром, – повторил оборотень. – И никто этой ночью в твоём лесу не умрет.

– Что-то подобное Барченко тогда и предполагал, только проверить его гипотезу мы не успели. Сначала Азия, потом Тибет, а после и вовсе не до того стало, – сузила глаза тетя Паша и рывком подняла слабо сопротивляющегося Фомича на ноги. – Верно он говорил, не бывает такого, чтобы обычный лесовик ни с того ни с сего такую силу обрел, которая позволит ему исконное призвание отбросить без малейшего для себя вреда, а после еще и к власти над людьми начать тянуться.

Она распахнула подданный старомодный пиджак, рванула косоворотку, и луч фонарика блеснул на красных камнях, вделанных в серебряный кругляш, висящий на шее старика. Очень тонкой работы кругляш, со странными и непонятными символами, вырезанными на его краях.

– Амулет берегини, – выдохнул волк. – Отдай нам его, мать. Отдай, и мы уйдем. Порука – мое слово. Ты знаешь наше племя, мы всегда делаем то, что обещаем.

– Мое! – прорыл Фомич. – Не смей! Прокляну!

– Срать я на тебя хотела, – отмахнулась от него тетя Паша. – Меня после Кольского ничем не напугаешь, особенно проклятием. Ты тамошним обитателям в подметки не годишься, лихоманка лесная.

– Отдай! – пролаял еще один из волков. – Или умрете.

– Все против вас, мать, – поддержал его вожак, подходя все ближе и ближе. – Даже будь вас вдвое больше, мы все равно взяли бы верх. Вы остановились не там, где следует. С вами только оружие. С нами – новая сила и старые боги. Мы – их дети, и они это знают.

Волк не врал и не пугал. Николай увидел, как деревянные столбы, на которых неумело были вырезаны гротескно выглядящие в ночной темноте лики, начали оживать. Нет-нет, они не двигались, не выкорчевывались из земли, ничего подобного. Но вот их глаза уже не казались мертвыми, они наливались недобрым багровым светом, и смотрелось это довольно-таки жутко.

– Они не выпустят вас с этой поляны, – все еще миролюбиво пояснил оборотень. – А после в дело вступим мы. Зачем эти жертвы? Да и моей стае проблемы ни к чему. Наш вожак не боится господина Ровнина, которому вы подчиняетесь, но он его уважает.

– Сдается мне, что ваш вожак уже не самый главный, – подбросила на ладони амулет тетя Паша. – Но один оборотень не сможет назвать своим предмет, которым некогда владела берегиня. Он просто никого из вас не примет, сразу же учуяв, что в ваших венах течет звериная кровь. Для кого ты его добываешь, воин? Кому понадобилась сила тех, кто давно ушел из этого мира?

– Я это делаю для своего рода, мать. И в его славу, – с достоинством ответил оборотень, сделал еще пару шагов и протянул руку. – Отдай мне амулет и ступай домой. Ночь холодна, а ты уже немолода. Надо себя беречь.

– И то правда, – поежилась старушка. – Зябкая нынче ночь. Ладно, держи.

Амулет, звякнув цепочкой, лег в ладонь оборотня, тот белозубо улыбнулся, задрал голову вверх и издал протяжный вой, в котором слышалось ничем не скрываемое торжество.

Глаза идолов на миг вспыхнули нестерпимо ярким белым пламенем, а следом за тем погасли. Они опять превратились в обычные деревянные столбы, изукрашенные незамысловатой резьбой.

– Ты обещал, оборотень, – холодно произнесла тетя Паша. – Уходи, тебя тут больше ничего не держит.

– Мы не люди, – юноша убрал амулет в карман и склонил перед старушкой голову. – Мы знаем, что такое держать слово. И мы знаем, что такое уважение к врагу, особенно такому достойному, как ты, вечная мать.

Короткий серебряный росчерк – и вот стая из пяти волков следует за лидером, уносящим прочь с поляны свою добычу.

– А-а-а! – в небо рванулся крик Фомича, следом за тем он принялся кататься по земле и молотить ее кулаками.

– Иногда противнику симпатизируешь больше, чем союзнику, – заметила тетя Паша, глядя на разбитого горем старика. – Н-да. Знаете, что я вам скажу, ребятки? Не обманули Олега предчувствия.

– Какие? – уточнил Николай.

– Скверные. Ну, не просто так он на нас всех собак нынче спустил? Так у него психика реагирует на действительно серьезные неприятности, которые вот-вот пожалуют в гости. Вроде вот этих. Фомич, заканчивай орать. Ты жив, мы живы, а амулет все равно раньше или позже у тебя кто-то да отнял. И вообще радуйся, что у нас в тридцатых до него руки не дошли, ты благодаря этому с ним целый век в обнимку провел.

– Точно! – оживилась Мезенцева. – Тетя Паша, можно вопрос?

– Теперь уже да, – вздохнула уборщица. – Мы не спешим. Нам же этого паразита опросить все равно надо, а он вон в прострации.

– Вот ты там про какого-то Константина Сергеевича говорила. Ну, что шампанское с ним пила и так далее. А он кто?

– Театральный режиссер, – ответила старушка. – По фамилии Станиславский. Слышала про такого? Но он не современный. Давно уже умер.

– Ну да, – ответила Женька, но некоторая неуверенность в голосе имелаась. – Нет, точно. Знакомая фамилия. Так-то я театр не очень люблю, но про него слышала.

– И слава богу, – усмехнулась уборщица. – Хоть что-то. Коль, может, ты Фомича пнешь как следует пару раз, а? Боль дивно снимает нервные стрессы. Я это точно знаю, не раз проверяла на практике.

Глава четвертая «Заброшка» (начало)

Разговоры насчет произошедшего продолжались не день и не два. В конце концов не каждый день случается такая ситуация, когда и успехом операцию не назовешь, но и провалом тоже. Но даже не это было главное. Слишком много вопросов после той ночи в Битцевском парке осталось без ответов. И, что самое странное, никаких следов, которые могли бы к этим ответам привести, тоже не наблюдалось, несмотря даже на то, что Михеев с Ровниным задействовали все свои каналы.

Кто были эти оборотни? Из какой стаи? Кто их навел на Фомича и помог пройти все заслоны, что он установил на пути, ведущем к Лысой горе? Ясно же, что тут ни о какой самодеятельности речь даже не шла, что за оборотнями кто-то стоял и этот некто очень хорошо знал, что делал.

И самое главное, зачем именно таинственному мистеру Х понадобился амулет берегини, вещь очень непростая и очень опасная в умелых руках? Ясно, что вряд ли для доброго дела, но ведь и зло многолико. Для кого-то достаточно захватить побольше денег, чтобы стать счастливым, кому-то хватит власти над ближним своим, но ведь это все мелочи, не приносящие глобального вреда.

Есть еще и те, кто любит забавы погорячее, те, что на крови людской замешаны. И надо, чтобы лилась она при этом, что водица.

Вопросы, вопросы, вопросы... А ответов нет.

Да и по той теме, ради которой сотрудники отправились ночью в лес, Фома Фомич ничего связного сказать не смог. По сути, зря прокатились. Ну да, слышал он обрывки слухов и сплетен, из которых следовало, что в столице объявились некие умельцы, которые промышляют продажей ингредиентов для зелий и ритуалов из числа тех, за которые можно а-та-та от судных дьяков схлопотать. Но это и так понятно, тут он никого ничем не удивил. А большего из незадачливого владыки Битцевского леса вытащить не удалось. Да и эти куцые сведения почти час из него выжимали, поскольку старичок перемежал их стонами, причитаниями и глупыми вопросами, вроде «И как же я теперь?».

Еще одним более-менее путным фактом, который удалось из него за этот час вытащить, оказалось упоминание о том, что некая ведьма из молодых, но амбициозных искала не так давно выходы на таинственных торговцев. Данный момент хоть как-то прояснял произошедшее на свалке, вернее, давал понимание того, кто же являлся истинным покупателем контрафактного товара. Да и одержимость вполне вписывалась в эту схему, ведьмы – большие мастерицы по данной части. Это из их сказки: сначала очаровать мужчину, потом привязать его к себе, далее поднести бокал вина с зельем одержимости, ну а дальше по ситуации. В смысле, он пойдет и сделает то, что ему скажут. Просто каждой ведьме надо что-то свое. Той, например, что на свалке отиралась, необходимы были те мерзости, что производили таинственные торговцы. Ну а дальше случилось, что случилось. Запахло паленым, потому очарованный бедолага по приказу кинулся убирать ненужного свидетеля, попутно отвлекая внимание от нее, любимой. Классика жанра. Хоть, конечно, и из числа тех, за которые по головке эту проказницу после поимки гладить точно никто не станет.

Но, увы и ах, на этом полезная информация и заканчивалась. Ни имени ее, ни того, к какому ковену эта девица принадлежит, Фомич не знал. Более того, он, как ни старался, так и не вспомнил, откуда к нему эта информация попала. Опрашивала его тетя Паша лично, потому можно было уверенно сказать – не врал старичок. Правда не помнил.

Да и вообще он как-то резко сдал за всего-то час, прошедший с того момента, как оперативники и оборотни миром на поляне разошлись. Подрыхлел прямо на глазах Фома Фомич, скукожился, ссутулился. Не иначе как амулет берегини в прямом родстве с кольцом Всевластия был. Ну, по крайней мере, именно такую версию высказала Мезенцева, заработав при этом сразу два удивленных взгляда – непосредственно от Фомича и тети Паши. Не знали они ничего об артефакте, от которого некогда зависели судьбы всех Свободных Народов Средиземья.

Шутки шутками, но дело, по сути, если не зашло в тупик, то застопорилось. Вроде и известно много чего, и выкладки логические кое-какие можно сделать, а шагать-то некуда. И слева и справа, и спереди и сзади стены без дверей.

Это ли беспокоило Ровнина, который отчего-то очень близко к сердцу принял случившееся, или что-то другое, может, даже личное – неизвестно, но он буквально землю носом рыл, как во времена своей оперативной юности, пытаясь выяснить кто, что и как. Но вот только все впустую.

А еще очень жалел, что не поехал тогда с коллегами в Битцевский лес. Была у него такая идея, признался он позже Николаю при доверительной беседе, происходившей у него в кабинете. Она возникла в голове ни с того ни с сего в тот момент, когда он смотрел на отъезжающий от здания микроавтобус.

– Старею, – пожаловался он подчиненному после этого. – Перестал интуиции доверять, а это первый звоночек. Дальше – хуже. Сначала несколько мелких ошибок, потом пара крупных, а после я погибну. Причем непременно глупо. Например, в одиночку залезу в канализацию и нарвусь там на компанию оголодавших гулей. Или вон повторю судьбу Францева. Расстреляют меня недоумки в собственном дворе из-за сущей мелочи.

– Вот у вас мысли! – возмутился Николай. – Не кличьте лихо, Олег Георгиевич, не надо.

– Не буду, – вздохнул начальник отдела и подпер подбородок рукой. – Маятно мне, Коля. Смурно, как в дождливый ноябрьский день. Чую, что за этим всем какая-то неслабая дрянь для города маячит, но какая именно – понять не могу. И, что самое странное, никто ничего не знает. Нет, обрывки слухов бродят, но толку от них? Да и веры слухам нет особой, там правду от врак отделять замучаешься. Знаешь, что мне вчера Глум рассказал?

– Это перевертыш? – уточнил Николай. – Тот, что в антикварной лавке на Садовом работает?

– Ну да, – кивнул Ровнин. – Уже поползли рассказы о том, что всю эту дрянь, вроде топленого жира некрещеных младенцев, производит Чумной Доктор, который снова вернулся в Москву. Мол, не убили его тогда в Дорогомилово, он уцелел, странствовал по Европам, а теперь, стало быть, вернулся в родные пенаты.

– А его точно тогда убили? – чуть помедлив, уточнил Николай, у которого, что греха скрывать, как раз такая же версия возникла недавно. Он даже в архиве дело, датированное осенью 1771 года, отыскал и изучил.

– И ты туда же! – забавно сдвинул брови Ровнин. – Коля, его точно убили. Наши с тобой предшественники являлись людьми обстоятельными и обязательными, каковыми и мы стараемся быть, потому если в отчете сказано «уничтожен», то, значит, уничтожен. Да и видел я на Дорогомиловском кладбище то место, где им, значит, распорядились. Меня тамошний Хозяин к нему сводил, показал. Черное пятно на земле, которое еще лет триста травой не зарастет. И потом, Чумной Доктор, как логично следует из его имени, есть порождение чумы, он ее дитя. Они неразрывны, понимаешь? Чумной Доктор появляется на свет для того, чтобы подготовить пляску мертвецов в полностью опустошенном болезнью городе, так было, и так будет. Что ему делать здесь и сейчас? И уж точно он не станет заниматься производством подобных препаратов. Не по профилю занятие.

– Не надо было нам амулет отдавать, – буркнул Николай. – Может, и не стали бы нас те оборотни рвать.

– Да что ты! – сочувственно глянул на него Ровнин. – Смею заверить, еще как стали бы. Это племя упертое, если чего им в голову взбрело, то расшибутся, но задуманное в жизнь воплотят. Ну, или умрут. Максимум – под давлением обстоятельств на время отложат свои замыслы, но и только. Год, два, три – и вот они уже снова идут по следу давно забытого обо всем прежнего противника, реализуя давний план. Ты, кстати, никогда об этом не забывай, ясно? И не верь всем этим «мы разойдемся миром» или «между нами больше нет вражды». Оборотни в первую очередь звери, и только потом – люди. А для зверя есть либо победа, либо смерть, ибо инстинкт. С ним не поспоришь. И Покон, заметь, тем самым они не нарушают, потому что у них другая мораль и другое восприятие мира. Они расходятся с тобой миром здесь и сейчас, а дальнейшее «потом» для них совсем другое время. Так что помни, лучший аргумент для спора с оборотнями – это нож или заговоренная пуля. Не оставляй их за своей спиной. Ну, если только новая встреча с ними по какому-то поводу не входит в твои дальнейшие планы.

– Век живи, век учись, – кивнул Николай.

– А вас бы они непременно убили, – повторил начальник отдела. – Даже не сомневайся. Больше скажу, если бы не тетя Паша, которая с вами была, то это случилось бы даже после того, как вы им амулет отдали. Видно, наслышан был их вожак про ту, с кем разговаривает, вот и не стал искать проблемы на свою голову. Наша тетя Паша в их среде хорошо известна. На ее руках столько оборотной крови, что это здание затопить можно. Первый этаж и подвал уж точно.

– Так это же дополнительный повод ее смерти желать? – резонно предположил Николай. – Не вижу логики.

– Людской – да. Но о людях мы сейчас и не говорим. Тетя Паша – настоящий враг. Достоянейший противник. Да, состарившийся, но от этого не менее уважаемый. Вспомни, как оборотень ее называл?

– Мать, – произнес Николай.

– Мать! – поднял указательный палец вверх Ровнин. – Высшая степень почтения. Так что она вас спасла. Так-то. Ну и репутация отдела в целом, конечно, отчасти свою роль сыграла, все знают о том, что мы никогда ничего не прощаем. Но вот задумай вы им амулет не отдать – и все, уважение бы кончилось, потому что началась бы война. А война есть другая степень отношений.

– Как все сложно.

– Да ладно, ты быстро учишься, – начальник перегнулся через стол и потрепал парня по голове. – И хватка у тебя есть. А что еще нужно?

– Удачи побольше, – произнес Николай.

– Ну, ее много никогда не бывает, – отмахнулся Олег Георгиевич. – Другое дело, что не всегда ее уговоришь стать своей спутницей.

– Странно, что мы так и не нашли этих оборотней, – перевел разговор в прежнюю плоскость Николай. – Чудно.

– Да, может, они уже где-то в Воронежской области в лесах сидят и мясо трескают, – фыркнул Ровнин. – Или где-то под Брянском обитают. Сделали свое дело и отправились из Москвы восвояси на месяцок-другой, пока не стихнет все. Тот, кто стоит за ними, не дурак, он прекрасно понимает, что мы станем их искать. Кстати, может, и не под Воронежем они, и не под Брянском квартируют сейчас, а в земле сырой лежат. Такой вариант тоже сбрасывать со счетов нельзя, хоть он и менее вероятен. Не того калибра проблема, чтобы из-за нее хороших бойцов в расход пускать. Ах, Коля, как же меня беспокоит именно этот некто стоящий в тени! Не торгош снадобьями, его мы раньше или позже прихватим. И не хорошо воспитанные оборотни, с ними все ясно, они пешки. Но вот их наниматель – это да.

– Может, все замутила та ведьма, что на свалке к нам болвана под чарами отправила? – предположил Николай. – А почему нет? Девушка действует с размахом. Опять же, по ходу,

амулет в одном ряду с тем товаром, что она хотела прикупить, стоит. В разрезе условной ценности.

– Думал, – кивнул Ровнин. – «Нет» пока на глазок получается чуть больше, чем «да», но это только логика. А еще есть чуйка, и вот она-то вещует, что есть связь между этими событиями. Есть. Даже несмотря на то, что факты и подтверждения пока отсутствуют. А с другой стороны, чтобы волкодлаки стали служить ведьме? Я не представляю даже, чем она могла бы купить их верность. Нет, есть пара вещичек, за которые клыкастые могут лечь под ведьму, но они все давно сочтены и опломбированы. Ну, или хранятся у вожаков сильнейших стай. И потом, тот опростоволосившийся лешак говорил про молодую ведьму. Молодую. И, заметь, ему про нее не люди рассказали, а жители сумерек, а они, в отличие от нас, всегда видят истинный облик того, с кем общаются. То есть эта девка на самом деле молода. Ну, послать на сделку идиота под чарами – дело нехитрое, с этим справиться невелик труд. А вот пробить дорогу через кордоны к логову лешего, имеющего при себе амулет берегини, – это уже совсем другой уровень силы и знаний. Опять же, спланировано все было по уму, а ведьмы очень хаотичны по сути своей. Нет, Марфа, Анисья или, к примеру, Татьяна Михайловна из Лихоборов – про них речи нет, они главы ковен, то есть на подобных манипуляциях зубы съели. Но они тут ни при чем. Я проверил.

– Так, может, она и не главная? – резонно предположил оперативник. – Может, тоже пешка? Ну, или фигура рангом повыше, приближенная к тому самому не пойми кому?

– Верно, – кивнул Ровнин. – Хорошая и разумная версия, к которой пришел и я. Но поскольку это лишь версия, то ее надо или подтвердить, или опровергнуть. Но пока нечем. Все, что могли, мы отработали, а новых зацепок покуда нет.

– То есть ясно, что пока ничего не ясно, – подытожил Николай. – И чего делать станем?

– Работу работать, – даже удивился Ровнин. – Что еще? Да, есть загадка, да, она очень мутная и тревожная, но это не значит, что текучка должна пойти побоку. Так что, вперед и вверх, друг мой Колька! А там, глядишь, и новые крючочки по этому делу возникнут. Если в столице объявился столь крупный игрок, он годами на дне лежать не станет. Не для того он о себе громко заявил.

А текучка – она и впрямь не кончалась. На самом деле из нее, родимой, и была сплетена жизнь отдела 15-К. Крупные проблемы, скажем так общегородского масштаба, случались редко, зато от разнообразных мелочей продыху не было. Не редкостью были дни, когда Николай, покинув здание на Сухаревке утром, заявлялся обратно уже в сумерках. Осень для сотрудников отдела всегда являлась самым беспокойным временем года, так уж повелось с давних времен. Зима с ее холодом и метелями – она не только для человека испытанием является, но и для нечисти с нежитью. Кто спать укладывается на долгие месяцы и потому стремится поплотнее брюхо набить, не особо думая о последствиях последней охоты, кто ритуалы прощания с летом устраивает, пугая при этом случайных свидетелей, оказавшихся на свою голову не там, где следовало бы, – да мало ли разного всякого случается в те дни, когда с деревьев облетают последние листья.

Вот и нынче утром он, сидя за своим столом, прикидывал, как лучше распланировать день. То ли сначала съездить на Никольскую, где в подвале старого дома пару дней назад бесследно исчез сантехник, то ли отправиться в Отрадное и проверить одну тамошнюю ведьму на причастность к нехорошим событиям, произошедшим не так давно в местном парке и связанным с кошачьим обугленным черепом, обнаруженным в пепелище костра. И туда, и туда ехать жутко не хотелось, поскольку оба дела могли оказаться пустышками, но на самотек никто ничего никогда в отделе не пускал. Слишком велика была возможная цена ошибки.

– Коль, пошли, нас Ровнин вызывает, – оторвала Нифонтова от раздумий Женька, заглянувшая в кабинет. – Говорит, срочно.

– Как, впрочем, и всегда, – вздохнул Николай и встал с кресла. – По-другому у нас не случается. Вот чую, ничего хорошего нас не ждет.

– Зато отпала необходимость делать выбор, – приободрил его Пал Палыч, который был в курсе тем раздумий своего молодого коллеги. – За тебя уже все решил шеф.

– Удобно, – поддержала его Тицина, что-то ищущая в шкафу со старыми делами. – Радуйся.

Несмотря на аргументы, приведенные коллегами, особой радости Николай не испытывал. Во-первых, потому что такие вызовы к начальству почти всегда вели к каким-то особо головоломным поездкам, во-вторых, ему явно придется работать в паре с Мезенцевой, а это совсем уж прискорбно. Надоели парню ее закидоны до такой степени, что он для себя окончательно решил: лучше спину никто не прикроет в опасный момент, чем этим станет заниматься Мезенцева.

Хотя, ради правды, в битцевской вылазке Женька умудрилась отличиться. Она невесть каким образом умудрилась сфотографировать амулет берегини, за что удостоилась похвалы Ровнина. Увы, но вот фото оборотней у нее не получились, хоть она и тут пыталась подсуе-титься. Два кадра смазались, а на третий одни ноги попали. Ну а по джинсам с кроссовками многого не скажешь.

– Скажите мне, мои юные друзья, а бывали ли вы в городе Александрове? – именно такими словами встретил их Ровнин. – А?

– Я нет, – ответила Женька.

– То же самое, – поддержал ее Николай.

– Стыд и позор, – расстроился начальник отдела. – Нельзя же так! Александров – не просто город. Это живой свидетель славных страниц нашей истории. К примеру, Иван Грозный. Он Александров, который, правда, тогда еще селом был, сначала своей резиденцией сделал, а после там сына убил.

– Как на картине? – уточнила Женька.

– Как на ней, – подтвердил Ровнин. – По слухам, именно в Александрове где-то и библиотека Грозного спрятана. Но тут не поручусь. А еще там монастыри есть с многовековой историей, храмы красивые. Там сестра Марины Цветаевой жила!

– Кого? – глянула на Николая Женька.

– Цветаевой, – шепнул девушке тот. – Поэтессы.

Ради правды, не читал Николай стихов Марины Цветаевой. Да и не собирался. Он вообще был холоден к поэзии. Но про такую поэтессу он слышал от приятельницы, с которой почти два года встречался во время учебы в академии. Они даже собирались пожениться, но в какой-то момент все вдруг пошло юзом, а после стремительно сошло на нет. Вроде были вместе, бац – и уже порознь. Так случается иногда в жизни.

– Именно, – Ровнин покивал головой. – А еще там случилась странная штука. В местной больнице лежат сразу трое молодых людей обоюбого пола, все пребывают в бледном виде, не желают приходить в себя и дышат через трубочки.

– Наркота, – сразу же предположила Женька.

– Хорошо бы, кабы так, – усмехнулся ее начальник и бросил на стол свой смартфон, на экране которого красовалось какое-то фото. – Только вот привезли их в больницу вот отсюда, из здания заброшенного завода. Берите, смотрите.

Только увидев снимок, Николай сразу понял – да, точно придется ехать. Без вариантов. По их профилю задача.

Фотография, прямо скажем, сделана была так себе, но главное в нее попало – стены, изрисованные черными символами, кострище на полу, колода, забрызганная кровью, и обезглавленная курица рядом с ней.

– Сатанисты, – с уверенностью заявила Мезенцева. – Сто процентов.

– Спасибо, что просветила, – поблагодарил ее Ровнин. – А то я, знаешь ли, сомневался – они, не они. Но теперь все, ясность появилась. Ну-ну, не хмурься. Это юмор, а не сарказм. И вот что, Евгения, главное, не то, кто они были, тем более что это очевидно. Главное – другое. Подумай, что именно?

Молчала Мезенцева, морщила лоб.

– Нифонтов? – глянул на юношу Олег Георгиевич.

– Мне кажется, главное – выяснить, кого же это им удалось на свою голову вызвать? – предположил Николай. – Ясно, что не Сатану, подобное невозможно. Но кто-то же их в больницу отправил? А если бы не врачи, так и на тот свет.

– Именно, – подтвердил Ровнин. – Обшарьте завод, опросите свидетелей, друзей-приятелей... Ну, что я вам рассказываю? Вы и сами все знаете.

– С призывателями как? – уточнил Николай. – Если что, вытаскивать их или пусть сами расхлебывают кашу, которую заварили?

Формально, по документам, главной целью сотрудников отдела являлась защита людей от любого зла и спасение их жизней в том случае, когда упомянутая защита опоздала. Но в любом правиле есть исключения, имелись они и тут. Не всегда сотрудники отдела спасали тех, кто по доброй воле призывал силы зла в наш мир. Сатанисты, демонопоклонники и прочие любители рисовать странные знаки в заброшенных домах и приносить кровавые жертвы не пользовались их любовью, причем абсолютно мотивированно. Ну, сами посудите, тут и так не знаешь, за что хвататься, а эти идиоты тебе еще работы добавляют. А ты их после выручай.

Но все равно спасали, куда деваться. Вытаскивали из петель, стаскивали с алтарей, снимали проклятия, тянущие из этих раздолбаев жизнь и душу. И все же кое-какие различия между ними и другими людьми сотрудники отдела делали. За вторых они были готовы умереть. То есть если надо, отдать свою жизнь за чужую, без долгих раздумий и сожалений. Такая работа, что теперь сделаешь? Сам ее выбрал, теперь соответствуй.

За первых – нет. Причем по той же причине. Эти люди сами выбрали свой путь, сами призвали зло в мир. Доброй волей, их никто к тому не принуждал. И разные «ну, дураки молодые, что с них возьмешь» к рассмотрению не принимались. Тем более что далеко не всегда этим занимались люди молодые и глупые. По-разному выходило.

Потому действовали сотрудники в таких случаях всегда по ситуации. Получится спасти горе-сатанистов из той ямы, которую они сами себе выкопали, – прекрасно. Нет... Ну, значит, нет. Не судьба. Основная проблема устранена? Устранена. И это главное.

А еще случалось так, что сотрудники не то что кого-то спасали в подобной ситуации, а, напротив, по сути, приводили приговор в исполнение. Потому что не должны такие существа среди людей жить. Один такой акт правосудия Николай уже повидал и запомнил его навсегда.

Призрак чернокнижника они тогда уничтожили довольно быстро, а вот за тем, кто его призвал, мужичком лет сорока, плешивым и невысоким, по заброшенному дому бегали еще долго, чуть не потеряв его под конец в сложной системе старых подвалов. Но настигли в результате, причем именно там, где он и проводил свои ритуалы. Увидели все: алтарь, книги, кривой нож с нанесенными на клинок рунами. И два маленьких тельца в измазанных кровью и изрезанных в клочья платьях, лежащих на полу словно изломанные куклы.

Николай никогда не был повернутым на законе фанатиком. Но даже будь он таковым, все равно бы ни слова не сказал тогда, когда Пал Палыч начал этого плешивца потрошить, словно рыбу.

Смотреть не стал. Но и возражать – тоже.

– По ситуации, – ответил им Ровнин. – Но не забывайте, мне ваши головы куда дороже, чем... Ну, вы поняли. И еще не тяните особо. Мне это дело из главка спустили, кто-то из нашего руководства в дружбе с тамошними отцами города, им резонансная волна не нужна, потому просили разобраться быстро и эффективно. А если и надо, то жестко. Не исключено,

что за теми балбесами, которые в больнице лежат, стоит секта или что-то в этом роде. На дворе не девяностые, на подобные вещи сквозь пальцы уже не смотрят.

– Сегодня курица, а завтра мало ли кто? – понимающе кивнул Николай.

– Именно. Так что, вперед и с песней.

– Текучки много, – вкрадчиво произнес оперативник и глянул на стоящую рядом девушку. – Рук не хватает. Может, Женя тут останется?

Щеки Мезенцевой мигом залились краской, но при этом возражать она не стала, просто стояла и ждала ответа руководителя.

– Нет, – покачал головой Ровнин. – Есть четкий регламент, какие дела можно вести в одиночку, какие нет. Здесь тебе без напарника никак не обойтись. Так что запрыгивайте в машину – и вперед. Фото и нужные адреса я тебе сейчас через ватсап сброшу. Там, в Александрове, руководство полиции о вас уже предупреждено, чем смогут, тем помогут. Данные, прописка, первичный поиск свидетелей... Короче, по процедуре.

– Только вот у них своих дел полно, потому варяги из Москвы им на фиг не сдались, – глядя в сторону, пробормотала Мезенцева.

– Ты, Евгения, сегодня просто кладезь очевидностей, – похлопал в ладоши Ровнин. – Но да, все так. Потому, как обычно, рассчитывайте только на себя.

Впрочем, по последнему пункту ситуация немного улучшилась перед самым отъездом. К Николаю, который настраивал навигатор, подошел Пал Палыч и сказал:

– Я там тебе телефон сбросил, если чего, если прижмет – намери его. На том конце провода будет Серега, мой давний и добрый приятель. Он в Александрове участковым работает, но ты на это не смотри, он не всегда с папкой да ручкой бегал. В прошлом он из оперативников, и, поверь мне, не худших. Просто у него характер как шпала, смекаешь? Таких не любят. Но мент он правильный, ручаюсь. Я ему уже позвонил, предупредил.

– Вот за это спасибо, – обрадовался Николай. – Выручил!

И это действительно была неоценимая подмога. Просто тут ведь как? В управлении их встретят должным образом, то есть будут дежурно рады, а помощь обеспечат на уровне «что по инструкции положено, то и сделаем». И потому что москвичи, и потому что, как верно было сказано, своих дел хватает, тех, которые требуют немедленных действий. А тут что? Трупов нет, все живы, а что стены исписаны, так «заброшка» же. Чего с нее возьмешь? Там не только надписи по стенам, там еще мусор по всему зданию и дерьмо кучами.

Плюс мало ли чего они тут навьюхивают, а потом там, в Москве, в отчетах напишут? Так что, на фиг, на фиг. Дадим, сколько положено, и пусть уматывают.

А участковый Серега поможет им как родным, не как двоюродным. Потому как они для него не просто гости из столицы. За них хороший человек поручился, а это в полицейском мире многое значит. И самое главное, Серега этот даст им реальную картину произошедшего, а не идеальную.

– Да не вопрос, – хлопнул коллегу по спине Михеев. – И поосторожней там. Больно все странно, это и настораживает. Я символы на фото глянул – ерунда полная получается. Там набор знаков, не несущий никакого смысла. То есть если это и сатанисты, то дилетанты полные. Детишки, играющие на лугу. Но при этом кто-то на их зов ведь откликнулся? И еще вспомни, что случилось, когда мы в последний раз ездили за город по вот такому же левому сигналу? Вспомнил? То-то. Потому смотри в оба. И не подставляйся.

– Может, лучше ты со мной поедешь? – с надеждой поинтересовался Николай. – Мы с тобой это дело как консервную банку еще до ночи вскроем.

– Ага, счас, – хмыкнул Пал Палыч. – У меня своих проблем полна коробушка. Да и Женьку надо натаскивать. Пусть себя показывает. А то два года скоро как с нами, а ножа до сих пор нет. Куда такое годится?

– Про то и речь, – вздохнул Николай. – Ладно, нет так нет. Мезенцева, залезай в машину. Помчались уже!

Глава пятая «Заброшка» (продолжение)

На самом подъезде к Александрову стоящая с утра хмарь немного подразвезлась, и сквозь рваные серые облака пробились лучи яркого, но уже совершенно холодного солнышка. Они заиграли на куполах церквей, которых в этом небольшом, по сути, городке хватало с избытком, на последних не облетевших с деревьев листьях, на тонком ледке в лужах, который даже и не подумал таять в этот неласковый октябрьский день.

– Красиво, – охнула Мезенцева и дернула Николая за рукав. – Ну, скажи, красиво же!

– Ага, – ответил тот, крепко держась за руль. – Слушай, надо срочно резину менять. Не знаю как, но пусть шеф выбивает на это фонды. В том году всю зиму на летней проехали, чудом живы остались. Чую, в этом так не подфартит.

– Приземленное ты существо, Нифонтов, – сморщила носик девушка. – Я ему о красоте, о возвышенном, о небесном, о души прекрасных порывах, а он чего? Тьфу!

– Так и я о том же! – возмутился Николай. – Если резину не поменяем, вот в таком златоглавом храме нас с тобой и отпоют обоих, причем самое позднее в декабре. Разве только что он, храм в смысле, чутка поменьше будет и помоложе годами строительства. Но нам с того какая разница?

Поколесив немного по городу, в котором новые многоэтажки на диво гармонично сочетались с домами куда более почтенного возраста, некоторые из которых, вероятнее всего, помнили еще царя-батюшку, отдельский микроавтобус тормознул у здания местного РУВД.

– Жень, я об одном прошу, – Николай глянул на напарницу. – Не лезь в бочку и не провоцируй конфликты. Пожалуйста!

– Слушай, я, наверное, не совсем дура? – отозвалась та. – Одно дело – в Москве с кем-то сцепиться, другое – здесь. Это же не наша земля.

– И в Москве не стоит лишний раз на конфликт лезть, – назидательно произнес Нифонтов. – Сегодня ты с человеком поругалась, завтра...

– Да-да-да, – Мезенцева застегнула свою курточку и открыла дверь автомобиля. – Не плюй в колодец, пригодится воды напиться. Пошли уже. Световой день все короче, а дел пруд пруди. Пока тут пообщаемся, пока туда-сюда съездим... А это все время!

– Взрослеть никак начала? – обескураженно пробормотал молодой человек, глядя на напарницу. – Или все же дрянь какую покуривать принялась?

Против его ожиданий, навязанных визитами в районные УВД столицы, где футболивать визитеров от человека к человеку являлось хорошей народной традицией, все прошло неожиданно гладко. Впрочем, может, сработало то, что местному командиру позвонил кто-то сверху и предупредил его о том, что в гости пожаловали москвичи, в планах которых забрать себе это изначально не слишком хорошо пахнущее дело. Когда кто-то выполняет твою работу, это всегда хорошо. Тут ведь как? Если результат воспоследует – ты всяко молодец. Если нет – по шапке не тебе дадут.

Потому сотрудников отдела довольно быстро принял заместитель начальника, напоил их чаем с баранками, представил следователя, который вел дело до того, выразил надежду на то, что столичные сыщики шустренько разберутся в том, откуда у этой заморочки ноги растут, пожал руки и выпроводил восвояси.

– Ну чего, пошли в кафе? – осведомился у гостей следователь, носящий звучное имя Святослав, но сразу предупредивший о том, чтобы его называли Славой. – Перекусите, отдохнете с дороги. А после с новыми силами...

– Оно неплохо бы, только со временем беда, – перебил его Николай, отодвигая от себя дело, которое перед тем внимательно изучил. – Нам это дело как снег на голову свалилось, все остальное пришлось в сторону отодвинуть. А ведь работа сама себя не сделает, ты же в курсе. Потому давай сначала сгоняем на место происшествия, потом к пострадавшим в больницу. А все остальное – после.

– Да не вопрос, – покладисто согласился Святослав, глянув на часы, а после в окно. – Поехали. И да, лучше сначала на старый завод наведаемся. А то вон опять небо тучами затянуло, значит, смеркаться раньше начнет.

– Хм. – Женька взяла его под руку. – А что, в темноте туда лучше не соваться? На то есть какие-то причины, которые нам стоит знать?

– Да там до фига этих причин, – щеки довольно юного Святослава чуть покраснели. – И катушки от кабеля, и кирпич битый, и ямы, которые хрен знает кто, когда и зачем там выкопал. Там еще везде нас... Ну... Вы поняли, короче. Синева местная и то туда в ночи бухать не ходит. Ноги боится переломать.

– Типичная «заброшка», – подытожила Мезенцева. – У меня в городе тоже такая стоит. В старые времена на ней банки стеклянные для консервов производили, потом перестали. Мы с ребятами по старым цехам в детстве часто бегали, пока Валька Синицкая себе ногу не распорола от лодыжки до ляжки.

– Легко отделалась, – заметил Николай, у которого тоже имелись воспоминания о подобном строении, только расположенном уже в его родном городе. – У нас один пацан добегался до того, что на арматуру наделся. Снизу вверх.

– Это как?

– От задницы до горла, – пояснил Нифонтов. – Мне потом эта картина еще года два в кошмарах снилась. Он еще живой, глазами вращает, хрипит... Блин, до сих пор мороз по коже продирает, как вспомню.

– Нас до последнего времени бог миловал от таких страстей-мордастей, – вставил свое слово Святослав. – А что до этой троицы... Мы все же думаем, что они какой-то дряни там накурились. Сейчас много разной химии появилось, сами знаете. Такое продают, что жуть берет, если разобраться, что там в составе. Небось эти долбоклюи и закинулись на территории завода чем-то эдаким... Особо ядреным. Теперь вот лежат как овощи, и не факт, что в себя придут. А если и придут, то запросто могут дальше овощами остаться. Или почки у них откажут на пару с печенью. Случались уже такие прецеденты. Ума-то нет... А что анализ крови ничего не показал, так это не странно. Фармакология сейчас на коне.

«Заброшка» оказалась просто-таки классической, как раз из числа тех, о которых вспоминали оперативники. Да и Николаю за годы службы уже в подобных пару раз побывать пришлось. Серый каменный забор, издаലെка производящий впечатление внушительного, на деле оказался с зияющими то здесь, то там брешами, светло-коричневые облупившиеся здания щерились клыками битых стекол, а прицеховые территории, были завалены разнообразным мусором, накопившимся за годы запустения. И еще ветер. Он, казалось, был везде. Он хлестал по щекам незваных гостей, посвистывал в пустынных коридорах, завывал где-то там, наверху, на полупровалившихся крышах.

– Нам туда, – показал Святослав на крайнее левое здание. – Там их нашли.

– А кто нашел? – поинтересовался Николай. – Ты же сам сказал, даже бухарики сюда не суются.

– Но сторож-то есть. Завод хоть и заброшенный, но при собственнике. Банк один его в залог сто лет назад взял как обеспечение по кредиту, с тех пор им и владеет. То ли не знают, как этим хозяйством распорядиться, то ли сбыть с рук не могут – я не в курсе. Но сторожа наняли, как видно, обязаны по закону это делать. Вернее, не сторожа, а что-то вроде смотри-

теля. Дедок один, который живет неподалеку, пару раз в день заглядывает сюда, здания обходит, ну и вообще.

– Надо будет с ним побеседовать, – деловито заметила Мезенцева. – Мало ли чего вспомнит.

Внутри бывший заводской корпус тоже ничем оперативников не удивил. Выбоины в полу, какие-то тряпки и обрывки газет, валяющиеся тут и там, несколько давно засохших куч дерьма по углам и, разумеется, десятки надписей на стенах, от классической нецензурщины и вечного «Олег лох» до почти абстрактных, вроде «А мой руки под твоими телами!». Чем подобное творчество было навеяно – запредельными ли ассоциациями, или же той самой химией, о которой вел речь Святослав, – непонятно. Но уж как есть.

Ну а небольшой зальчик с парой разбитых окон, в котором обнаружили недвижимые тела местных школьников, порадовал оперативников обилием магических символов, которые красовались на стенах. Причем совсем свежих, нарисованных буквально недавно.

– Совсем забыл сказать, – ткнул пальцем в них Святослав. – Они же еще и сатанисты. Вон нечистого, похоже, призывали. Правда, эти-то мирные, кошек не резали и над костром их не палили. А то были у нас не так давно еще одни, мы их из подвала выкуривали. Так они там храм Сатаны оборудовали, представляете? Даже трон для своего идейного лидера смастерили. И такой хороший! Не трон, а произведение мебельного искусства. Чем-то на тот, что в сериале «Игра престолов» был, похож. Просто там у одного из этих сектантов руки прямо золотые оказались, он нам кое-что в управе починил из мебели, пока его отец из обезьянника не забрал.

– И куда он потом делся? – заинтересовалась Мезенцева.

– Да в техникуме учиться, скорее всего, как и раньше. Куда ему еще деваться? Дело-то развалилось. Факт жестокого обращения с животными доказать не удалось, плюс у одного из этих чертей отец крупный коммерц оказался. Ну, вы понимаете...

– Да трон, а не сатанист.

– А, трон! – Святослав заулыбался. – Начальник мой себе забрал. Когда проверка приезжает, меняет его на обычное кресло, штатное, а в остальное время прямо как Таргариен какой-то на троне восседает.

– Прелесть какая, – рассмеялась Евгения. – Потом покажешь?

– Покажу, – пообещал следователь. – Если получится.

– Полная чушь – произнес Николай, который все это время рассматривал настенную живопись и даже сделал несколько снимков при помощи смартфона. – Никого они призвать не могли.

– Само собой, не могли, – хмыкнул Святослав. – А у тебя были какие-то сомнения?

– Ну да, – поддержала коллегу Евгения, которая, несмотря на свою непоседливость и живость характера, кое-чему за то время, что провела в отделе, все же научилась. – Совершенная чушь. Небось нагуглили всего, чего можно, и эту хрень здесь понаписали. Типа как взрослые.

– Но при этом что-то их на больничную койку определило, – продолжил Нифонтов. – И это вряд ли наркотики, что бы ты, Слава, ни говорил. Анализ у ребят чистый. Любая фармакология, какой бы передовой она ни была, следы оставляет.

Он вертел головой, снова и снова бегая взглядом по символам, пытаясь понять, что же тут произошло, и не находил ответа. Ладно, четыре знака, из которых один был изображен верно, а три с ошибками, входили в малый круг призыва демонов, но в таком сочетании их никто никогда не использовал. Остальные же и вовсе являлись фантазией на темы, которыми, как верно заметила Мезенцева, был забит весь интернет. При помощи этой чепухи мышь из норы не вызовешь, не то что некую сущность. И приманить какую-то другую нежить, которая падка на юные души, которые сами не ведают, что творят, тоже эдакой галиматьей никак не получится. Есть определенные условия, при которых подобное возможно, тут они не соблюдены.

И тем не менее Николай отправил Тициной те снимки, которые сделал, сопроводив их коротким комментарием. Мало ли. Иногда то, что кажется очевидным, является ошибкой, способной отправить расследование по изначально ложному следу. Лучше пусть профессионал своим опытным глазом глянет тот ералаш, что красовался на стенах. Так вернее. Так надежнее.

– И все-таки хорошо бы со сторожем пообщаться, – потрогала краску на одном из знаков Мезенцева. – Причем прямо сейчас.

– Елки-палки, а я с собой его номер телефона и адрес не взял, – смутился следователь. – Они в бумагах, в кабинете.

– Позвони, скажи, чтобы кто-то из коллег глянул, – предложил ему Николай.

– Так в сейфе же, а ключ вот, со мной, – показал Святослав оперативнику означенный предмет. – Придется в управу возвращаться.

– Здорово, – вздохнула Евгения. – Одно хорошо – город невелик.

– Слав, что ближе – больница или управление? – уточнил Николай. – Больница? Давай тогда сначала мы туда заскочим, глянем на пострадавших, с врачом пообщаемся. А ты тогда на работу вернешься, оттуда нам позвонишь и скажешь адрес дедули-сторожа. В принципе, ты нам все показал, все рассказал, чего дальше вместе мотаться? А если еще какие-то вопросы возникнут, то мы тебя наберем.

– Вариант, – согласился следователь, который, похоже, не имел ничего против того, чтобы распрощаться с гостями города и вернуться в свой кабинет. – И это... Насчет гостиницы. Лучше всего селитесь в «Ирисе», там завтраки хорошие, причем они в стоимость номера включены. Думаю, придется вам сегодня в нашем городе заночевать. Ну, не в Москву же обратно ехать? Вроде и недалеко, сотня километров всего, только по пробкам это сколько времени сожрет и сегодня, и завтра? Так что я адрес сброшу.

Сообщение от Валентины пришло Николаю тогда, когда он и Женька как раз вошли в палату, где в рядок стояли три койки с лежавшими на них молодыми людьми. Собственно, это даже и сообщением было назвать трудно, так как состояло оно всего из одного слова – «Бред». В этом была вся Тицина. Болтушка и хохотунья по натуре, в вопросах работы она была лаконична прямо как древние спартанцы.

– Что и требовалось доказать, – Николай показал экран смартфона напарнице. – Ни при чем тут гости оттуда. Доктор, так что скажете?

– Ну а что тут говорить? – достаточно молодой врач с модной бородкой засунул руки в карманы халата. – Все и так видно. Вчера эти трое дышали сами, сегодня лежат под аппаратами ИВЛ, и это говорит об одном – динамика отрицательная. Как бы завтра их не пришлось в искусственную кому вводить. И самое главное, непонятна причина подобного отказа организмов. Ваши коллеги сразу высказали предположение, что проблема носит, так скажем, медикаментозный характер...

– Наркотики, – уточнила Мезенцева, которая не любила завуалированные фразы.

– Именно, – кивнул врач. – Но по результатам анализов я могу вам сказать со всей определенностью – нет. Ничего подобного. Да, некоторое количество алкоголя в крови у всех троих имелось, но опять же в вполне приемлемых нормах. Если обойтись без терминологии, то они по паре бутылок пива каждый выпили, не больше.

– А динамика все равно отрицательная, – протянул Николай. – Н-да. Печальная картина.

Все было так. Веселого и впрямь было мало, особенно если учесть, что и выглядели два парня и девушка довольно жутко. Их лица больше напоминали посмертные маски, те, которые в старинные времена с покойников снимали на память. И цвета они были такого же – почти белые, словно бумага.

– Может, вурдалаки? – предположила Мезенцева, когда врач, извинившись, вышел из палаты. – Это хотя бы объясняет то, отчего они так стремно выглядят.

– Да ну, чушь, – поморщился Нифонтов. – Вурдалаки уработали сразу троих, причем позволив им добраться до больницы, пусть даже и не своим ходом? Никогда не поверю. Кровососы по жизни осторожные и расчетливые ребята, знающие, что подобное никому с рук не сойдет. Нет, когда-то давно, лет двадцать назад, они и не такое творили, причем прямо в центре Москвы, но сейчас? И потом, согласись, даже если бы они эту троицу выпили, то фиг мы их тела вообще нашли бы. На той же заводской территории их прикопай – и все. «Ушли из дома и не вернулись». А тут вон больница, палата и так далее.

– Соглашусь, – кивнула Женька. – Но все же версия, надо было озвучить.

– И потом. Не думаю, что в этом городе вообще живут вурдалаки. Он не слишком велик, тут не спрячешься, если вдруг осечка выйдет. Это в Москве хорошо – нырнул в метро, и ищи тебя, свищи. А тут? Все на виду... Да и вообще их племя не любит малые города, не их это зона обитания. Ладно еще, когда речь идет, к примеру, о Смоленске. Город большой, старый, с традициями. Вот там небольшое вурдалачье семейство может более-менее долго и безбедно существовать, особенно если кто-то из них в больничку устроится, поближе к донорской крови. Но тут... Нет. Забудь.

– Да и церкви тут чуть ли не через дом стоят, – поддакнула Мезенцева. – Но если не вурдалаки, то кто? Не знаю, как у тебя, а у меня один вариант остался. Это кто-то из немертвых, причем высокого ранга. Не замшелый призрак, у которого силенок хватит лишь на то, чтобы ребятенка испугать, а такой, серьезный, авторитетный. И злой на людей как черт.

– По симптоматике – да, схоже, – подумав, кивнул Николай. – Когда жизнь тянут с той стороны, все приблизительно так и выглядит. Вот только опять же не бьется тема. Жень, сама смотри, перед нами половозрелые особи, а не дети. Будь им лет хотя бы по двенадцать... Да хрен с ним – даже по четырнадцать. Вот тогда я бы уже рыл архивы, выясняя, не на старом ли кладбище поставлен завод. Хотя будь оно так, мы бы и без того уже имели по нему статистику будь здоров, теньям с той стороны только дай лазейку. Знаешь, я, когда в отдел только пришел, как раз с этой темой столкнулся. У трех пацанов призраки согласие на уход из этого мира вытянули хитростью, а после на свою сторону увели, чтобы там выпить их досуха. Так что я представляю себе, как эта схема работает. Но здесь ничего такого нет. Ты на них глянь, взрослые же ребята, теньям наверняка неподвластные. Да и не девственники наверняка давным-давно, а это вообще доступ призраков к их душам прекрывает намертво.

– Тогда я вообще ничего не понимаю, – опечалилась Женька. – И чего теперь?

– Теперь? – Николай достал из кармана пискнувший телефон. – Поедем со свидетелем беседовать. Со сторожем. Как раз адрес его следак прислал. Не может человек, который день за днем мотается по этому безлюдному пространству, ничего не знать. Главное, чтобы он нам захотел рассказать о том, что видел.

– Надо пузырь купить, – деловито предложила Мезенцева. – А лучше два. Не видала я еще дедков-сторожей, которых бы такой аргумент не сразил на месте.

– Верно, – одобрил Нифонтов. – Кстати! Тут рядом с больницей есть магазин. Там и заготовимся.

– И еще надо бы заехать поесть, – тихонько произнесла Евгения. – Очень хочется!

– С дедом поговорим – и в кафе, – пообещал ей напарник. – За едой услышанное и обсудим.

Вот только в кафе они попали куда быстрее, чем предполагалось. Дело в том, что сторож, которого звали Петр Петрович, ни им, ни кому-либо другому дать никаких показаний не мог в принципе по причине того, что уже несколько дней пребывал на темной стороне сознания. Нет-нет, никакой мистики. Просто так его обескуражило недавнее происшествие на вверенной территории, что в тот же день обычно тихий, спокойный и благообразный старичок, скажем так, развязал узелок. Говоря совсем просто, отправился в длительное алкогольное путешествие, из которого его даже супруга, внешне похожая на БТР-80 и обладающая голосом,

схожим с корабельной сиреной, вернуть не могла, как ни старалась. Петр Петрович, чуть приходя в себя, всякий раз умудрялся добраться до очередной записки, спрятанной в доме с невероятной фантазией. Влив в себя некоторую дозу хмельного, он исполнял несколько песен времен своей юности, после минут пять весело плясал, а затем надолго отправлялся в страну снов, из которой никто его извлечь не мог ни под каким соусом.

Что же до оперативников, они до недвижимого тела сторожа даже не добрались, поскольку имели несчастье наткнуться на упомянутую супругу. Мало того, Мезенцева, на их голову, еще и пакет с лежащими в нем бутылками неудачно дернула, так, что те провокационно брякнули.

– Какие такие сотрудники органов? – раненым зверем взвела жена сторожа, услышав мелодичное «динь-динь». – Спаиваете моего мужа? А-а-а! Я поняла! Вам дом наш нужен! Стало быть, вы его подпоите, потом отвезете к нотариусу, чтобы он вам все документы подписал, и в лес его! В лес! В могилу! Чтобы дикие звери кости потом растащили! Я телевизор смотрю! Я зна-а-аю, как оно делается-то сейчас! А ты, рыжая, небось вообще проститутка! Он же тебе даже не в отцы, в деды годится! Как же ты такой грех на душу взять сможешь? Как жить потом станешь?

– Да полицейские мы! – заорала Мезенцева, которой резануло ухо слово «проститутка». Ее как только в жизни не называли, но так пока ни разу. – А он – свидетель! Нам его опросить надо!

– Проваливайте! – в руках женщины появилась швабра. – Полиция вы, не полиция – мне все едино! Сейчас разукрашу под хохлому – и все!

Короче, ушли оперативники из дома сторожа несолоно хлебавши, потому и отправились в кафе заедать неудачу.

– Может, ведьмы? – не донеся ложки с борщом до рта, задумчиво произнес Николай. – У них есть такие заклятия, что человек как свеча тает, пока вовсе не очокурится. Но только логики в этом ноль. Все трое не мажоры какие-то, обычные ребята, с родителей которых хрен чего возьмешь.

– Месье, – предположила Мезенцева, бодро уплетая ароматное харчо. – Они злопамятные как не знаю кто. Как я! И даже хуже. Может, кто-то из родственников пострадавших ведьме насвинячил, вот она обратку и включила?

– И сразу троих неслабым таким заклятием припечатала, плюнув на кучу разнообразных рисков? Извини, но очень сомнительно данная версия звучит. Да и демонстративность такая не в их привычках. Да и место не очень с ними монтируется. Ночной клуб, ресторан – это да, это их эстетика. Но заброшенный завод?

– Может, это молодая ведьма. Или нонконформистка. – Женька отодвинула от себя опустевшую тарелку и довольно облизнулась. – Слушай, вкусно тут кормят. И цены божеские.

– Молодая заклятие такой мощи не сплетет, – покачал головой Николай. – Нет, здесь опыт нужен.

– Тогда я не знаю. – Мезенцева цапнула нож и вилку. – Давай поедим, а после под кофеик и медовик дальше думать станем. Коль, у тебя борщ скоро совсем остынет. И котлеты тоже.

– А чего тут думать? – передернул плечами Нифонтов. – Делать надо. Дождемся ночи и отправимся туда же, где эта троица проблемы на свои головы нашла. Посидим, поглядим, может, чего и прояснится. Не факт, конечно, но мало ли? Не исключено, что на огонек нагрет кто-то, кого мы в расчет вовсе не берем.

– Вариант, – согласилась Женья, бодро препарирующая котлету по-киевски. – Уй, масло брызжется! И еще знаешь что? Надо наш микроавтобус рядом с заводом оставить. Так, чтобы на виду. Если все же это ведьмы или вурдалаки постарались, то они могут попробовать нас убрать.

– Аргументируй, – попросил напарницу Коля.

– Это небольшой город, – пояснила та. – В нем новости разносятся быстро, особенно если держать руку на пульсе. Если в случившемся замешан кто-то из местных обитателей, то он уже знает, что мы приехали по его душу. Ну, или что там у него есть? Ну а завод ночью – лучшее место для того, чтобы отправить нас следом за той троицей.

– Звучит убедительно, – признал Нифонтов. – Одно смущает – как бы его в ночи попросту не разули. Утром с территории выйдем, а он на кирпичках стоит.

– Могут. У нас точно бы разули. Но мы, если что, после по-братски подойдем к местным операм, объясним, что к чему. Тут не столица, народ работает попроще и посердечнее, сначала немного нас погнобят за то, что москвичи, а после помогут. Уверена, у них все монтажки местные прикормлены, так что вернут злодеи нам наши колеса, причем с установкой и балансировкой. А то и зимнюю резину в подарок подгонят.

– Знаешь, Женька, ты иногда меня пугаешь, – без тени шутки признался Нифонтов. – Проскакивает в тебе иногда что-то такое... Житейско-мрачное.

– Жизнь разная была до отдела, вот и я разная. – Мезенцева с невероятной скоростью уплела котлету и пододвинула к себе медовик. – Слушай, вкусный какой! Надо будет Вальке несколько штук прикупить, она такое любит.

– Прикупи, – согласился Николай. – А еще давай-ка мы до приятеля Пал Палыча доедем. Как его там?

– Серега, – подсказала девушка.

– Вот-вот. Дай-ка я его наберу, пока время рабочее и он домой не ушел.

Серега оказался крепко сбитым мужичком лет сорока простецкой внешности. Настолько простецкой, что сразу становилось понятно: с таким держи ухо востро, этот ложку мимо рта не пронесет.

– Звонил мне Пашка насчет вас, – первым делом сообщил он напарникам, когда те пришли к нему в «опорник», находящийся на окраине города и расположенный в старом доме с резными наличниками. – Просил, если что, подсобить. Давайте говорите, что надо, а то сегодня «Динамо» с «Амуром» играет. Может, хоть пару шайб им навтыкаем наконец.

– Слушай, не пробьешь ту троицу, что в больницу из заброшенного завода отвезли? – не стал церемониться Николай. – Ну, ты же в курсе, о чем именно я говорю? Вернее, о ком?

– Конечно, – подтвердил Серега. – Слышал, что случилось. Говорят, они вообще уже одной ногой на том свете.

– К тому идет, – кивнула Женька.

– Эти ребята не с моей земли. – Серега налил себе воды из графина и степенно осушил стакан. – Это Иваныча контингент. Но оно даже хорошо. Иваныч – старой закалки мент, все про всех знает, потому, если за ними что-то значит, я про это вам завтра расскажу.

– Нам и незначительные детали важны, – добавил Николай. – Может, они с какой теткой сцепились недавно по какому поводу, может, в подъездах ссали регулярно или песни по ночам орала. Чем больше информации, тем лучше.

– Что смогу – узнаю, – повторил участковый. – А вы сейчас куда? Если обратно в Златоглаву не собираетесь или с гостиницей проблема – пошли ко мне. Я один живу. Пивка возьмем, хоккей посмотрим. Лещ копченый у меня есть. Зверь, а не лещ, вот такого размера, клянусь. Одному такого не съесть. Мне один удалец из поднадзорного контингента время от времени подгоняет. У него брательник в Астрахани живет, понимаешь, вот и...

– Заманчиво, но нет, – отказалась Мезенцева. – Мы на завод собрались. Там и переночуем.

– Плохая идея, – посерьезнел Серега. – Мало ли кто там шатается по ночам?

– Ты что-то знаешь? – подхватился Нифонтов. – Если да – расскажи.

– Ничего такого особенного, – замялся участковый. – Бред, скорее всего, но... Есть у нас тут такой Васятка. Знаешь, из той породы мужиков, которые до старости на отчество себе у

людей уважения набрать не могут. И руки у него из жопы растут, и доверять ничего нельзя, и пьет он не по чину. Короче, ни богу свечка, ни черту кочерга. Так вот его как-то с пьяных глаз в конце лета на тот завод занесло. Чего, зачем, почему – он и сам не знает. Так вот так его та ночевка пробрала, что он прямо жуть! И главное, я у него спрашиваю: «Что видел-то?» А он мне – ничего такого не видел. Ни рож страшных, ни чертей рогатых. Просто ходил кто-то вокруг того цеха, где он прикорнул, да в окна заглядывал. Я его – кто ходил-то? А он – кто-то. И все тут. Вроде бы ерунда, он цел, ничего не произошло, может, это вообще первые признаки белой горячки, и только. Вот только после той ночи Васятка еще с месяц не пил совершенно, а это, знаешь ли, показатель.

Сразу после того как Серега закончил свой рассказ, Нифонтов с трудом удержался от того, чтобы расплыться в счастливой улыбке. Вот он, оперской фарт. Вот тот самый след, который они все это время искали. Да, он не знает, кто именно напугал Васятку, кто бродил в темноте и заглядывал в окна. Но главное, этот некто существует. А значит, его можно выследить и поймать.

Ну, или убить. Тут уж по ситуации.

– Сергей, а вы Иваныча на этот счет тоже не расспросите? – попросила участкового Женька, которая, похоже, тоже не пропустила мимо ушей появившуюся подсказку. – Вдруг и у него такие Васятки есть?

– Спрошу, – очень серьезно пообещал Серега. – Вы как, с оружием хоть? Сразу скажу, я в нечистую силу не верю, а вот в то, что там какие-то барыги могут склад с левым бухлом организовать, – запросто. И свидетели вроде вас им на хрен не нужны. Одно дело, когда алкаш глухой забрел, его валить смысла нет, другое – когда ребята вроде вас.

– При оружии, – показала кобуру Женька. – Все нормально.

– Аккуратней там, – повторил Серега. – Плохое место. А еще лучше пошли ко мне леща есть.

Глава шестая

«Заброшка» (окончание)

– Может, зря мы не пошли рыбу есть и хоккей смотреть? – задумчиво произнесла Мезенцева и подбросила в небольшой костерок, разведенный на полу, кусок полупрогнившей доски. – А, Коль? Впустую, по ходу, мерзнем.

– Знаешь, в чем твоя проблема? – отозвался тот. – Сказать?

– Ну-ну, – девушка поудобнее устроилась на корявом, но еще достаточно крепком ящике, подперла кулачком подбородок и уставилась на напарника, всем видом показывая, насколько ей интересны и важны его слова.

– Ты не умеешь ждать, – проигнорировал этот саркастически-мимический выпад Нифонтов. – А наша работа именно из ожиданий и состоит. Стрельба, изоощренные логические игры с преступниками, погони – это все замечательно, но данная экзотика больше относится к сериалам, чем к жизни. А наше дело почти всегда – это сидеть и чего-то ждать. Когда в засаде, когда в отделе, ожидая ошибки злодея, когда документов из архива. Вариантов масса. Но вот ты ждать не умеешь, тебя всю корежит, когда надо на одном месте больше чем на час задержаться. Тебе вечно спешить надо, орать, пистолетом размахивать. Ты не считала, сколько за минувший год операций чуть не завалилось от того, что ты впереди паровоза бежала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.